

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

На 4 кулака

ДЕТЕКТИВ, ЮМОР,
ТРИЛЛЕР

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Маргарита Малинина
На 4 кулака
Серия «Юля и Катя: пора братья
за расследование», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42974493

Аннотация

Все было в жизни скромной семнадцатилетней Юлии Образцовой однообразно и монотонно, пока не повстречался на ее дороге самый настоящий труп. Все кинулись разыскивать убийцу преуспевающего банкира: и следственные органы, и сама Юля вместе со своей закадычной подругой Катей, неподалеку от деревенского домика которой и найден усопший, и друг убитого, который свалился на Юлию как снег на голову вкупе с восплававшими в ее груди чувствами к нему. На первый взгляд, смерть банкира связана с его трудовой деятельностью, но что если к убийству имеет отношение недавно объявившийся в этих краях маньяк?

«На 4 кулака» – первая книга в серии о Юле и Кате. Предыдущая версия романа была издана под названием «Первая мрачная ночь» в 2013 году издательством Эксмо. Роман переработан автором.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	52
Глава 4	72
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Маргарита Малинина

На четыре кулака

Глава 1

– Северо-западный ветер – это ветер, который дует с севера на запад?

подавившись картофельным пюре, я уставилась на Пашу Самойлова в сильнейшем изумлении пополам с трагическим ужасом и, видя его серьезнее некуда выражение лица, только и сумела вымолвить:

– Да, – после чего поспешно пересела на другой конец стола. Мне повезло, что до сего момента прозвучало лишь два тоста, потому как степень тупости Пашиных вопросов росла пропорционально пропущенным через его организм рюмкам. Катька Любимова – моя ближайшая подруга – считает, что данный кадр влюблен в меня девственно-чистой юношеской любовью, оттого и теряется пред моим ликом, не ведает, как поддержать беседу. Отсюда – массовый поток глупостей, например то, что я слышала сейчас.

А я уверена, что человеку, не имеющему представление о том, откуда же дует злополучный северо-западный ветер, рядом со мной делать нечего. Не считайте меня высокомерной: проведя анкетирование знакомых, я получила неопровержи-

мые доказательства того, что Пашина невежественность распространяется не только на меня – на все сто процентов населения планеты. Теперь я даже собираю в блокнотик Пашины избранные высказывания и, тогда как у Задорнова – «задоринки», баловство Самойлова называю «пашнятинки».

Другой конец стола меня тоже не особенно порадовал: моя одноклассница Таня Грачева налегала на водку, точно мужик, совмещая это деяние с разгорланиванием русских народных песен, в результате чего мои руки что есть мочи прижимались к протестующим ушам, сие, однако, было бесплодным занятием: Таня, следуя давней мечте стать настоящей звездой, старалась изо всех сил. Стремясь спасти барабанные перепонки, я продолжала затыкать себе уши, пытаясь представить грачевскую мечту осуществленной. Какой же звездой она собирается стать? Сириусом, Альдебараном, Вегой, Капеллой? В любом случае с таким-то голосищем явно не эстрадной. Цирковой? Хм, очень даже может быть, особенно если учитывать длинную рыжую косу и манеру одеваться: Таня запросто может натянуть к зеленой блузке красные брюки и белые туфельки с кокетливым сиреневым цветочком, в качестве аксессуара захватить с собой синюю сумочку из джинсы, а потом хвастаться мне на перемене, дескать, она такая красавица, что все на нее по дороге в школу оборачивались. Конечно, в силу природного такта я никогда не решаюсь объяснить ей подлинную причину искреннего любопытства со стороны прохожих.

«Зачем я приперлась на эту вечеринку?» – в который раз подумалось мне. Да и повод был довольно условный – 9 Мая. Вам не кажется странным отмечать победу над фашизмом, случившуюся семьдесят лет назад? Да, это было глобально для всего мира, но почему мы напиваемся и поем старые советские песни, когда должны горевать о миллионах трагически ушедших, об их семьях, и думать об ужасах войны, любой войны, чтобы никогда этого не повторять? Но мы, русские, такие: чтим традиции, даже когда они странные.

Впрочем, странно это только для таких как я – интровертов-трезвенников. И теперь, запивая Танькино пение абрикосовым соком, я начала мысленно ругать на чем свет стоит человека, меня сюда притащившего, – лучшую подругу Катю.

Дружим мы с детства, учились в одной школе, но Катя старше на год и уже учится на первом курсе экономического вуза. По характеру она смелее меня и общительней, поэтому любит подобного рода сборища. Ее девиз – «если за сегодняшний день ничего стоящего не произошло, можно смело вычеркнуть этот день из жизни». И ведет она себя соответственно, придумывая сама себе приключения. На сегодня список развлечений таков: отмечать День Победы в деревне Березовке, что совсем рядом от города, где мы живем, в доме, принадлежащем ее бабушке, до того момента, пока каждая тарелка не ознакомится с чьим-нибудь лицом, стол не отведаст чьего-либо стриптиза, а деревянный пол – все-

общей ламбады. Причем отмечать следует вкупе с этой самой бабушкой, глядя на которую, в настоящий момент я понимала, в кого уродилась подруга.

– Ой, мороз, моро-оз... – старательно выводила басом баба Рита, обнимая за талию какого-то хлюпенького студента в очках, видимо, Катиного одногруппника. Одногруппник смущенно краснел и озирался по сторонам в поисках подмоги, не забывая при этом слова песни. Нет, бабуля Марго не была педофилом, просто в ней плескалась уверенность, что в компании молодых она и выглядит моложе. Что и говорить, пятнадцатиголосый хор студентов и одной бабули позорно терялся в недрах Танюхиного пения!

Поскучав еще немного, кляня свой дурацкий характер, и допив-таки сок, я додумалась глянуть на часы. Двенадцать! Да меня родители прибьют!

Я подскочила как ошпаренная, опрокинув на себя тарелку с салатом Оливье, из которой только-только вынул лицо один особо перетрудившийся студент, приблизивший на один шаг к реальности Катину мечту об идеальной вечеринке.

– Кать, мне пора домой, – обратилась я к виновнице события, вытирая джинсы салфеткой. Та что-то собиралась возразить, но я перебила: – Не переживай, я папе позвоню, он придет.

Паша взял вилку, перегнулся через стол и начал поедать оливье прямо со скатерти.

– Ты, Юль, выпей сначала, – оторвалась от любимого дела

Танька, – а папа твой никуда не денется! Не морозь меня-а-а-а... Кстати, спасибо, что позвала на тусовку!

– Я не звала, ты сама напросилась, – зло парировала я, удалившись-таки из-за праздничного стола и поправляя теперь перед большим зеркалом, висящим на стене возле двери, свой светловолосый хвост. В темноте джинсы все равно не видно, потому что они темные, а вот непорядок в волосах обязательно бросится в глаза.

– Действительно, Юль, – поддержала эту вредину Катька, – оставайся ночевать, места всем хватит, было бы желание.

– А оно есть! – поддакнул пьяный белобрысый парень, Женька Логинов, и со значением воззрился на мою подружку, но та сделала вид, что ничего не заметила.

– Нет, я пойду!! – разозлилась я и топнула ногой для пущей убедительности. Что-то со мной сегодня творится, настроение ни к черту. Я с рождения была некоммуникабельной, но чтобы так уж реагировать на попытку оставить меня в компании веселых студентов и одной бабушки... Даже для меня это слишком.

Короче, эти мысли прибавили мне еще большей решимости к дезертирству, я просто-напросто испугалась, что через пять минут пребывания в социуме, окончательно озверев, начну кусаться. Катька любезно и разумно предложила подождать папу в доме, но я с гордостью отказалась и вышла, громко хлопнув дверью.

– Ну, погоди у меня, Любимова! – негодовала я, неумело маневрируя между грядками. Неумелость была рождена вследствие неимения собственного домика в деревне с обычно прилегающим к нему огородом и дала о себе знать следующим образом: зацепившись мыском кроссовка за торчащее из земли растение, которое в темноте практически невозможно было идентифицировать (наверняка какой-нибудь будущий овощ), я потеряла равновесие и упала, успев-таки простереть вперед руки, чему несказанно удивилась: а как же мое невезение? В то же время было бы везение – упала бы я пусть даже на руки?

Устроившись между грядками на корточках и отряхивая ладони одна об другую, лишь увеличивая от этого масштабность загрязнения, я услышала какое-то шевеление поблизости. Прислушавшись к шороху, похолодела: кто-то ко мне подкрадывался со стороны крыжовника. Оглянувшись на дом, я поняла, что сглупила. Позвонить отцу можно было и оттуда, наплевав на шум, а затем ожидать его в комфорте и безопасности. Сейчас же, находясь в абсолютной темноте и одиночестве, я всерьез запаниковала. И ограбить могут, и убить, и... Я не успела закончить свою мысль, потому что шевеление травы теперь слышалось очень близко.

Я испуганно икнула и достала мобильный, но, подумав, положила его обратно: чего грабителей провоцировать? Телефон у меня без наворотов, довольно дешевый, но на безрыбье – и Siemens рыба. С тем чтобы пропасть из поля ви-

димости потенциального грабителя, я заныкала светлую голову между грядок, опустив ее как можно ближе к земле, да перестаралась – лоб уперся в пачкающуюся почву, а сама я с выпяченным задом начала походить на пугливого страуса, но все же появилась надежда на спасение: темный зад было тяжелее различить в темноте, нежели светлый верх. Тут грабитель подкрался совсем близко и, громко мяукнув, потерялся мягкой шерстью о мою руку.

– Тьфу, зараза, – сплюнула я разочарованно (кот не заслуживал предпринятых мер) и поднялась. Набрал отца, приготовилась слушать долгую поучительную лекцию о чревато-сти ночных прогулок в полупустых деревнях в красные дни календаря, но обошлось.

– Я подъеду к зданию почты, – мгновенно среагировали на том конце и дали отбой.

«Дотуда еще дотопать надо», – подумала я печально и стала выходить на главную дорогу.

Машина наша очень старая, отечественная, и проехать на ней безопасно можно было только до здания почты, к которой вел довольно качественный асфальт. Прямо возле здания он куда-то рассасывался, и в большую часть деревни, где был расположен в том числе домик Катиной бабушки, попасть можно было или на чем-то очень крутом, или на том, с чем расстаться навсегда совсем не жалко. Запасного автомобиля у нас не было и денег на новый тоже, так что оба пункта не подходили.

Достигнув обочины дороги, которая через километр вывела бы меня к почте, я заметила темную или же вовсе черную машину, едущую мне навстречу с минимальной скоростью. Сперва решила снова испугаться, но, покумекав недолго, не стала. Отнимать поношенный мобильник, имея иномарку, – нецелесообразно, а больше у меня с собой ничего не было. Рядом со мной автомобиль остановился совсем, и из него, опустив стекло, показалась голова водителя – молодого мужчины приятной наружности. Откуда я тогда взяла эту приятную наружность, если на улице, учитывая столь поздний час, было до дрожи в коленях темно, не знаю. Да еще если брать в расчет мое дурное на тот момент настроение... Наверно, воображение разыгралось. Так вот, молодой человек, все еще сидя в авто, обратился ко мне:

– Девушка, вас подвезти? – Весьма приятный голос.

– Не надо, сама дойду. Тем более нам, как я вижу, не по пути, – последнее замечание я высказала даже с некоторой обидой на судьбу. Разозлившись на себя за это, я, не обращая якобы ни малейшего внимания на парня, обошла его машину и с гордо поднятой головой продолжила свой путь. Он посидел еще немного в полной прострации, глядя вслед странной девчонке, потом вздохнул досадливо, поднял стекло и уехал.

Сделав еще несколько шагов, я опять увидела машину, а точнее, слепящий глаза свет фар. Что-то они разъездились сегодня, праздник как-никак, неужто есть на свете и кро-

ме меня непьющие люди? Через мгновение я уже лицезрела очертания этой громадины – что-то вроде «КамАЗа», но я в них не особенно разбираюсь. Через секунду я уже всю ругала себя за столь поспешные выводы: водитель этого механизма был явно навеселе, потому как качало несчастный автомобиль из стороны в сторону неслабо, и я вдруг поняла, что ему ничего не стоит вот так просто взять и на меня наехать. Как будто услышав мои мысли, шофер начал клонить машину определенно в мою сторону, я еле-еле успела отскочить вправо, тут нога моя обо что-то споткнулась, и уже через мгновение я отдыхала, лежа в кустах. Постепенно мозги встали на место, и, провожая глазами обиженный меня грузовик, я принялась ощупывать ушибленные части тела. Так, голова на месте, туловище на месте, ноги две, все хорошо, только вот левая рука какая-то холодная. И какая-то она вся такая непонятная, как будто не моя... И тут вдруг до меня дошло, что рука-то действительно не моя. А моя настоящая левая лежит себе спокойненько на чьей-то ноге... О господи!

Я мгновенно вскочила и уставилась на то, что находилось рядом со мной. Лунного света вполне хватило, чтобы убедиться – это был человек, и судя по рукоятке ножа, торчавшего у него между лопаток, человек был мертв. Я заорала, приложив грязные ладони ко рту, где-то поблизости завыл волк, меня прошиб холодный пот, по спине пробежало полчище крупнокалиберных мурашек, волосы зашевелились на затылке, и последним, что я увидела в ту минуту, была ведь-

ма, летящая на метле на фоне абсолютно круглой луны.

За несколько месяцев до этих событий

Мужчина закрылся у себя в комнате в большой, дорого обставленной четырехкомнатной квартире и, ослабив галстук, мешающий дышать, поднес к губам включенный диктофон:

– Это случилось три дня назад поздним вечером. Моя жена, которую я любил до слез, до умопомрачения, до смерти, ушла вечером к подруге, и больше я ее не видел. Точнее нет, я видел то, что от нее осталось. Глаза были выколоты, голова наполовину отрублена, висела на одном лишь позвонке да клочке тонкой кожи. Коленные чашечки были проломлены. На теле – множественные порезы и укусы. Укусы человеческих зубов. Осталось напомнить то, что моя любимая женщина, с которой мы жили душа в душу много долгих лет, родили и воспитали замечательную дочку, была изнасилована данным подобием человека, сотворившим это дикое, беспощадное зло, сначала при жизни, а потом уже после смерти – так сказали судмедэксперты.

Когда жена не вернулась, я, только дождавшись раннего утра, тут же обратился в полицию. Подруга сказала мне, что жена вышла от нее в районе одиннадцати вечера или чуть позже. Однако выслушавшие меня дежурные заявили, что это не повод писать заявление. «„Ну, может, загуляла где?“ Загуляла! Моя любимая, мое солнышко загуляла?! Короче, я, поняв что от них толку – чуть, сам отправился на поиски.

И нашел то, что я нашел. Правда дворник нашел это раньше и даже позвонил в полицию. Но они соизволили приехать гораздо позже меня. На сей раз меня приняли радушнее, сто, двести, триста раз спрашивая одно и то же: в котором часу ушла, каким маршрутом пользовалась... Конечно, дорогая, ты сглупила. Я же учил тебя, не ходи ты этим парком! Ну что теперь... Решила дорогу сократить до остановки. Что и говорить, никто ничего не видел и не слышал. Однако за две недели до этого в том же районе свершилось подобное жестокое убийство, но у полиции по-прежнему нет ни улики, ни описания, ни чего-либо другого. Следующие два дня прошли точно в бреду. Не помню, как рассказал дочери. Не помню, что с ней было. Плакала, наверно. Приходили близкие и дальние родственники. Что-то болтали, утешали... Стоит ли говорить, что в эти две ночи мне снились исключительно кошмары? Нереальные, садистские, жестокие, кровавые кошмары... А сегодня утром сообщили результаты экспертизы. Я понял, что делать. Я нашел выход. Милая, единственная и желанная! Я не могу без тебя жить! Я должен быть всегда рядом с тобой, там же, где и ты. Вот ушла ты без меня и что произошло? Нет, определенно, я должен оберегать тебя. Я не знаю, способно ли то, что сейчас тебя окружает – небеса, ангелы, боги – причинить тебе боль, думаю, что нет, и все-таки я не доверю тебя никому. Для этого я приду к тебе. Сегодня же. Сейчас же. Все, кто прослушает эту запись, простите меня. Я по-другому не могу. Я ухожу».

Мужчина выключил диктофон, положил его на стол, поставил стул в центр комнаты, поднялся на него, а надоедливый галстук, распустив узел, привязал к крепко фиксированной в потолке люстре. «Что ж теперь... Что ж...» – пробормотал он, повязывая галстук вокруг шеи.

* * *

Когда я очнулась, то поняла, что сделала это зря, так как труп как был, так и лежал со мной в обнимку, и надо было срочно что-то предпринять. На всякий случай я взвизгнула, затем, поняв, что этим ничего толкового не добьюсь, встала на ноги. Я быстро поняла, что вой волка и полет ведьмы на метле были не чем иным, как игрой больного воображения (хотя насчет первого, пожалуй, предположу, что это на кого-то огрызался местный пес), но вот труп был реальный, и, как бы страшно и диковинно это ни звучало в моей голове, я должна была что-то с этим делать.

Отдышавшись, я шагнула в сторону, но, споткнувшись об одну из конечностей мертвеца, сызнова дрепнулась на него же, вдавив своим небольшим, но все же весом нож поглубже ему промеж лопаток.

– Извините, – смущенно промямлила я.

И тут мне показалось, что труп вздохнул в ответ. Меня оттуда как ветром сдуло.

Не помня себя от ужаса, я добрела-таки до почты и, заме-

тив остатки некогда работавшего таксофона, вспомнила, что мне нужно позвонить в полицию. Хорошо что хоть мобильный был исправен. Ответивший на звонок дежурный был зол и это почему-то заставило меня чувствовать себя виноватой, словно это я убила того незнакомого мужика. К сожалению, выяснилось, что я обязана дожидаться опергруппу, но к тому моменту, как разговор завершился, подъехал мой отец, и с ним я себя чувствовала увереннее. Офицеры взяли мои контактные данные, заставили что-то подписать и осчастливили новостью, что мне теперь придется явиться к следователю, которого назначат вести это дело.

Родители, как выяснилось впоследствии, в это время тоже не скучали. В самый разгар празднования маме (она у меня стоматолог) позвонил какой-то крутой бизнесмен, у которого очень некстати разболелись зубы. Все платные клиники нашего города были закрыты, а среди всех известных ему номеров только мамин (личный, который она, однако, раздает всем пациентам) отозвался трезвым голосом. Мама бросила все и полетела открывать клинику спасать больного. Пациент попался щедрый и на радостях отвалил маме двести долларов чаевых.

Когда мы с отцом вернулись, мама уже была дома, в прекрасном настроении, и демонстрировала нам торжественное занывивание зеленых купюр под матрац. Этого от нее можно было ожидать. Видите ли, у мамы есть интересное хобби – прятанье денег. В каких местах у нас только не оборудова-

но сейфов! И под цветочными горшками, и под паласом, и в рамке за фотографией, внутри подушки тоже можно найти, а также в помойном ведре в специальной мешочке на завязочках. На вопрос, а зачем, собственно, такие крайности, родительница отвечает логично:

– Ты представляешь себе вора, копающегося в мусоре в поисках денег?!

Лечь удалось только в три, а вставать пришлось в семь сорок, чтобы успеть в школу. Зато там я наконец-то стала «королевой бала»: Танька всем растрепала, что я нашла труп, тем самым поместив меня в центр внимания всего класса. В каком странном мы мире живем, не правда ли? Если ты круглая отличница, никто почему-то тебя не замечает, а стоит труп найти... Ну да ладно.

Глаза я ночью сомкнуть не могла долго: стоит их закрыть, сразу встает образ трупа с ножом, торчащим из спины. Интересно, кто его все-таки убил, моего деревенского мертвеца? И как там очень вовремя оказались два человека, водитель легковушки и «КамАЗа»? Эта дорога не особо изобилует автотранспортом, тем более, как я уже отмечала, в ночное время да в праздничный день. И как убитый оказался в кустах? По-видимому, он жил в деревне. Неплохо бы у Кати спросить, может, она знает, кто это?

Повернувшись на другой бок, я начала корить себя за глупость. Какой на фиг жилец деревни? Там алкашня да старики, а никак не солидный мужчина в приличном костюме. Уж

что-что, а одежду в свете луны разглядеть мне удалось. Не детально, конечно, но все же.

На следующий день вместо уроков я отправилась к следователю. Мама посчитала, что появляться в таких местах, как прокуратура и Следственный комитет (они у нас расположены в одном здании), следует не позднее десяти, потому вставать пришлось опять довольно рано. В итоге в нужное здание я вошла ровно в десять (очень удобно она расположена – в трех минутах ходьбы). Узнав, где находится кабинет следователя, которому поручили дело об убийстве в Березовке (мне назвали фамилию – Акунинский), я поднялась на второй этаж и постучала в дверь. Услышав разрешение войти, заглянула в кабинет: за столом сидел упитанный мужчина хорошо за тридцать, очевидно, невысокий, с наметившейся лысиной и холодными внимательными глазами.

Сам кабинет навел тоску своей вопиющей обветшалостью и кричал о срочном ремонте: обои выцветшие, в некоторых местах ободранные, в шкафу с какими-то папками отсутствовала одна дверца, линолеум давно потерял свой рисунок, походя теперь на блеклую простыню. Кроме сломанного шкафа, кабинет имел следующие предметы мебели: два стола, за одним из которых и работал мужчина, три стула, на одном из которых он и сидел, да пара полок на стенах.

– Вы по какому вопросу? – резко спросили меня, одарив холодным взглядом.

Я слегка растерялась.

– Я про труп... для дачи... с ножом... свидетельских показаний.

Следователь недолго хмурился, затем изрек:

– А! Гражданка, обнаружившая труп господина банкира Крюкова. – Так вот как зовут мой труп! Крюков! – Представьтесь, пожалуйста.

– Образцова Юлия Сергеевна. – Я все еще стояла в дверях.

– Как долго вы знакомы с гражданином Крюковым? При каких обстоятельствах произошло ваше знакомство? Знаете ли вы семью убитого? Когда видели его в последний раз перед убийством? – вопросы посыпались на несчастную школьницу как из рога изобилия.

Дождешься от тебя вежливости, решила я. Закрыв за собой дверь, прошла вперед и, не спросив разрешения, плюхнулась на стул напротив Акунинского.

– А вот при каких, – начала я со второго вопроса, так как он был мне ближе других. – Я потрогала его холодную руку. Так и произошло знакомство, – решила я пошутить, чтобы слегка разрядить напряженную обстановку.

Пауза.

– Вы состояли в любовной связи? – «догадался» следователь.

Вот те раз! «Ты больной?» – чуть было не сорвалось с моих уст, но я придержала язычок.

– Я трогала его, когда он был уже труп. При жизни я его не знала, – снизила я до пояснения.

– В котором часу вы обнаружили труп? – тут же отреагировал он. Просто непробиваемый какой-то! Говорит о трупах как... ну о вениках, что ли. Хотя в его работе по-другому нельзя.

– Было, наверно, минут двадцать первого. Я шла по Березовке...

– Минуточку, – прервал он даму. Как не стыдно! – Как это шли? Гуляли, что ли? Ночью? Одна?

– Нет! Хотя... ну, да, что-то вроде того. Вот. А потом я завалилась в кусты.

– Как это? В нетрезвом виде, что ль, гуляли?

Нет, это просто возмутительно! Как можно перебивать даму на каждом слове? Безобразие!

– Я вообще не пью! – с какой-то особенной гордостью произнесла я. Тут что-то укусило меня (я просто вспомнила, как часто я оказываюсь аутсайдером из-за своей ненависти к алкоголю), и я спросила с нескрываемой язвительностью в голосе: – А вы?

– Что?

– Вы пьющий?

О, я поспешила называть мужчину непробиваемым! Он все же обладал способностью испытывать эмоции и сейчас демонстрировал мне это красными пятнами на щеках и поддрагивающими тонкими губами.

– Послушайте меня, Юлия Сергеевна! Вы находитесь в моем кабинете, я следовательно, к тому же в два раза вас стар-

ше, так что будьте так любезны уважать меня, а именно: вести себя здесь прилично и отвечать на мои вопросы, все понятно? А иначе... – Пока Акунинский доставал из кармана пиджака платочек очень трогательной расцветочки – голубенький в розовенький горошек, – я решила, что последние слова оказались риторическим восклицанием, однако, вытирая вспотевшую от вырывающегося наружу гнева лысину, он тем не менее продолжил: – ...Иначе придется вас привлечь за воспрепятствование осуществлению правосудия. Статья 294. Есть Интернет – ознакомьтесь. Или возьмите с полки уголовный кодекс. – Он кивнул на ту самую часть шкафа, что лишилась двери.

На этих словах я присмирела: в тюрьму как-то не хотелось. Это была еще одна моя фобия, плюсом к ведьмам и волкам.

– Нет-нет, я все поняла, простите!

– Я понимаю, для вас это большой стресс, – смягчился Акунинский и сверился с часами. – Долго же я с вами провозился. Ко мне должен человек прийти для дачи свидетельских показаний. Итак, – Борис Николаевич прочистил горло, – вы остановились на том, как завалились в кусты.

– Ах, да! – неимоверно обрадовалась я, вспоминая тот случай. – Ну вот, я, значит, пощупала его руку...

– Кого вы пощупали, простите?

– Я ж говорила, труп я пощупала.

– Зачем?!

– Как это – зачем? Чтобы проверить, что это не моя рука, конечно. Она была очень холодная, ну я и сделала вывод, что это труп.

– Вы очень умны.

– Спасибо! – Как верно заметил следователь, я находилась в стрессе, поэтому сарказм не вычислила. – Потом я заорала, следом – завыл волк и пролетела ведьма.

– Стоп! Стоп! Сто-о-п!! Какая рука? Какой волк?! Какая ведьма?!!

В общем, выгнали меня с позором, перед тем отругав и велев передать какому-то Хрякину, чтоб зашел. Кто этот Хрякин и куда конкретно его нужно послать, уточнить я не рискнула.

Сразу за кабинетом на одиноком стульчике примостился мужчина лет тридцати или чуть меньше.

– Вы – Хрякин?

Мужчина обратил ко мне свой задумчивый взор и показался мне при этом очень знакомым. Где я его могла видеть?

– Да, я.

– Пройдите к следователю.

И голос знакомый. Ну да бог с ним.

Стрелки часов показывали полдвенадцатого. Сердце радостно заколотилось – наконец-то я на свободе! Меньше всего хотелось идти домой, и я направилась к Катьке.

Дверь мне открыли с девятнадцатого звонка: подруга, конечно же, спала.

– Ну, Юлена! Едрит твое коромысло! Знаешь ли ты, во сколько я прибыла домой? В шесть! Думаешь, утра? Ага, вчера следующего, то бишь вчерашнего, дня. Пока то, пока се... Короче, спать легли поздно. Ой, башка болит! – Подруга держалась за виски и выглядела при этом весьма плачевно. Впрочем, сама виновата: я вот не пью и ощущаю себя бодрым огурцом.

– Пить надо меньше, – назидательно парировала я и прошла в комнату.

В помещении, кстати, правил бал беспорядок: покрывало на диване было застелено наполовину, как будто кто-то устал посреди процесса и бросил как было; одежда валялась тут и там, чаще на полу, а на журнальном столике остались пятна то ли от кофе, то ли от черного чая.

– Ты из дома?

– Не-а, от Бориса Николаевича! – гордо возвестила я и посветила ее в сегодняшнее приключение.

Посидели мы с ней с час, потрепались, в основном про гулянку. Оказалось, я пропустила много занятного. Моя Катя подралась с однокурсником Женькой, парнем нехрупким, спортивным, имеющим даже, по-моему, какой-то пояс по карате. Женька, кстати, лучший друг Паши Самойлова.

– Ненавижу этого придурка! – раскраснелась Екатерина, вспоминая момент ссоры. – Жалею, что ваза пролетела мимо его головы! Я ведь так тщательно целилась!

Да-да, знаем. Эти двое настолько ненавидят друг друга,

что все остальные, включая и меня, считают это офигительной любовью. Короче, от Катьки я ушла в полной уверенности, что гулять нам скоро на их свадьбе. А вот я не влюблялась в своей никчемной жизни еще ни разу, и, видимо, мне уже не суждено познать все прелести этого неземного чувства.

С этими пессимистичными мыслями я и подошла опять к прокуратуре – путь от Катиного дома к моему лежит через нее, родимую. Тут я обратила внимание на фигуру, вышедшую из дверей. Это был, несомненно, тот самый Хрякин, что сидел тогда в коридоре. Выйдя из злополучного здания, он направился к потрясному черному «БМВ». Я подходила все ближе и настигла парня, когда он открывал переднюю дверцу автомобиля. Вот тут-то я и узнала его по-настоящему.

Хрякин наконец заметил меня.

– Привет! А я тебя сразу узнал. Это ведь ты ночью в той деревушке на дороге околачивалась?

– Я. Тебя я тоже сразу узнала. – Зачем я соврала? Странно, раньше за мной такого не водилось. Просто хотелось показать ему, что у меня хорошая память на лица. А какая разница, что он подумает обо мне?

Что ж, приходится констатировать, что парень мне понравился. Да и как он может не понравиться? Высокий, широкоплечий, стильно одетый и хорошо причесанный брюнет? Да, совсем некстати я сетовала на то, что никогда не влюблялась.

Так, Юлька, я – твой мозг, слушай мою команду. Наскоро прощайся и отползай восвояси. Темная он личность.

– Тебя подвезти на этот раз? – он улыбнулся, но глаза оставались грустными.

«Нет!»

– Да, если нетрудно.

«Что-о? Офонарела совсем?»

Он забежал вперед, галантно открыл передо мной дверцу, когда я села, захлопнул ее и, резво перескочив через бампер своей машины, плюхнулся на водительское сиденье.

– Куда едем? – повернулся он ко мне, и от его взгляда обожгло щеку.

Еле ворочая языком, я назвала адрес, и мы поехали.

Когда я стала костерить себя на все лады за то, что не додумалась назвать какой-нибудь более дальний адрес, Хрякин спохватился и протянул мне свою руку.

– Николай, можно просто Коля.

– Юля. – «Можно просто дура», – чуть не добавила я.

По дороге он бодро рассказывал про свою работу. Вроде в банке каком-то главенствует. Не знаю, я не слушала. Что я делала, спросите вы? Разумеется, разглядывала своего нового знакомого. Тогда ночью я жестоко ошиблась насчет приятной внешности – Николай был чертовски красив. Жгучие черные волосы, чарующие зеленые глаза, пленительные, хорошо очерченные губы... Тьфу, как пошло я выражаюсь! Прямо как в непристойном бульварном романе, честное сло-

во.

Внезапно он посмотрел на меня, и губы его расплылись в сумасводящей голливудской улыбке, обнажая ряд ослепительно-белых зубов. Я готова была свалиться в обморок, но до меня вдруг дошло, что мой сказочный принц задал мне вопрос.

– Что, прости?

– Я говорю, что же могло привести такую очаровательную девушку к следователю? Кого-то насмерть сразила твоя красота?

– Нет, и ты, однако, врунишка! – улыбнулась я.

– Даже в мыслях не было, – покачал он головой. – И все же... Это не место для такой девушки. Потому-то я и разволновался. Что-то плохое случилось?

– Ну так... Вызвали для свидетельских показаний. Я нашла труп в деревне.

Улыбка с его лица тут же пропала, уступив место печали и затаенной обиде на судьбу.

– Так это ты обнаружила Саню?

– Кого? А, Крюкова – да, я. Так ты был знаком с трупом? Ой, прости, с убитым.

Немного помолчав, он ответил:

– Да. Саня был моим лучшим другом. Мы дружили с детства. – «БМВ» плавно сворачивал в мой двор. Только сейчас я заметила, что к дому мы ехали почему-то в объезд, но спросить об этом не решилась. – Это для меня большая

утрата, – произнес он с горечью в голосе.

– Я тебя понимаю. У меня тоже есть подруга детства, мы и дня друг без друга не можем прожить, – поддержала я беседу, всем сердцем жалея мужчину своей мечты.

Он остановил прямо у подъезда. У моего. Не мистика ли это? Номер подъезда я не называла.

Стоило моим ногам коснуться земли, я не удержалась и вновь на него посмотрела. Коля одарил меня своей коронной ослепительной улыбкой и подмигнул. Я почувствовала, как уголки моего рта стали приближаться к ушам, а рот, безо всякого моего на то желания, взял да и открылся.

«Не дури!» – одернула я сама себя и закрыла его.

Мы тепло попрощались, и он уехал. Уехал. А я осталась.

От одной мысли, что я его больше никогда не увижу, в горле встал ком, на глаза навернулись слезы. Тут колени подогнулись, и последнее, о чем я подумала, было: «Идиотка, хоть бы номер запомнила!» – имея в виду «БМВ».

Глава 2

Спокойно умереть мне не дала противная соседка, изловчившаяся выйти погулять со своим пуделем как раз в момент моего приседания. Перебирая всех святых и нагоняя чертей на «ментов окаянных», которые измучили бедного ребенка – то бишь меня, – доведя до голодного бессилья, несчастная старушка умудрилась дотащить меня до второго этажа, то есть не то чтобы дотащить – скорее, проводить, потому что шла я сама, но сильно на нее облокачивалась. В оправдание скажу, что мне было очень стыдно прибегать к ее помощи, но после поездки с Хрякиным мои ноги действительно ослабли.

Прибытия моего никто не заметил – родители были заняты спором. Папа перелил из трехлитровой банки остатки варенья в пол-литровую, не заметив нахождения в последней гордо прячущихся от посторонних глаз пятисот рублей, из-за чего мать ругала его уже битый час, возрождая из недр своей необъятной памяти все старые обиды.

– Ах, ты не хотел портить пятьсот рублей? – доносилось свирепое с кухни. – Может, ты и математичку на прошлой неделе не хотел угощать блинами? Вообще-то я их тебе пекла, а не этой лохудре!

– Если тебя это утешит, она сказала, что они очень вкусные...

Стоит сделать лирическое отступление, что мой папа во-

енный в отставке. На данный момент он преподает в моей школе ОБЖ, а иногда, когда физрук уходит в долговременный запой, то и физкультуру.

– Нет, я не утешилась! А кто истратил заначку под ковром на дурацкие спиннинги и блесны? – продолжала бушевать мама. – Я, между прочим, три года на шубу копила! Зимой прикажешь в шубе из воблеров ходить вместо норки?

– Ну, Люда, не ругайся так, – слабо отбивался папа, – на шубу мы еще накопим, вот только рыбацкую лодку куплю...

Я разделась, прошла в единственную комнату нашей квартиры и залезла на диван с книжкой в руках, надеясь хоть на этот раз осилить более десяти страниц «Тихого Дона», который мне казался весьма скучным произведением, но неожиданно для себя уснула. Очевидно, сказались стрессы последних двух дней.

Разбудил меня телефонный звонок. Часы показывали половину пятого. Так, обед проспала, причем вместе с полдником. С большой досадой потянулась к телефонной трубке. Звонила Катька.

– Подруга, чей-то у тебя голос такой сонный? Не разбудила? – Да, мы имеем обыкновение непредумышленно будить друг друга. – Слышь, че случилось. Ща умрешь! Только ты за порог – звонок. Сам следователь! И как номер, пройдоха, узнал?

– Иди ты! – удивилась я новости. – И что сказал?

Зря я удивилась, должна была ужаснуться. Выяснилось,

что в деревне на момент убийства находилось очень мало жителей, и, не считая Катю с бабушкой и их гостей, все они спали и ничего не слышали. Соответственно, именно у моей подруги следователь посчитал целесообразным спросить, что она слышала, видела и кто из гостей выходил из дома. Кроме меня, все остались на ночь и даже не предпринимали попыток погулять, так что назвала она только мое имя. Но не это так сильно ошарашило меня, а вот что: у подруги очень длинный язык, и этим самым языком она проболталась о парне, который пытался меня подвезти, то есть о Николае.

– Да как ты могла! – Я чувствовала, что меня предали.

– Слушай, у меня вырвалось. И потом... Это ж правда, разве нет?

Я вздохнула. Действительно.

– Ладно. Что он еще говорил?

– Спросил точное время, когда ты ушла.

– Когда я ушла?! Он что, меня подозревает?!

– Не ори, не знаю. Может, просто формальность? Он обычным тоном спросил. А вот когда я до твоего парня дошла, ну что он подвозить тебя намеревался, Лысый как начал ругаться! «Что она, – орет, – факты от меня скрывает?!» Так что готовься.

– К чему? К тюрьме? Да как к ней подготовишься?!

– Бабуля в таких случаях говорит, что нужно сушить сухари. Видимо, там они идут как валюта. Ой, или это сигаре-

ты? Не знаю, короче, выяснишь сама потом на месте.

Я разозлилась и бросила трубку. Трубка, однако, тут же перезвонила и суровым голосом следователя велела завтра явиться в то же самое время.

М-да, Катьке легко шутить. А вот мне что делать? Я не говорила подруге о новой встрече с тем самым парнем из деревни и о родившихся к нему чувствах. Я не могла его подвести. С одной стороны, он появился в деревне, когда Крюков был уже минимум час как мертв (тело было прохладным). Да и потом, он уже общался со следователем, и тот ничего подозрительного в моем новом знакомом не обнаружил, иначе его бы уже определили в СИЗО. Но что если...

Я сморщилась, так сильно мне не хотелось додумывать эту мысль.

Что если он приехал в деревню задолго до того, как я увидела его на дороге? И не сказал об этом? Но опять же, это не говорит о том, что он виновен. Он просто не хотел отвечать на кучу вопросов (и после запоминающегося общения с Акунинским, я могу это понять). Нет, я решительно не могу выдавать Николая, не переговорив с ним предварительно. А поговорить я не могу, потому что он не оставил мне номер телефона.

Господи... Что ж делать-то?

В пунктуальности мне не откажешь: ровно в десять я заходила в двери треклятого здания.

– Можно? – поинтересовалась я на пороге комнаты Акунинского, но дожидаться ответа не стала и шлепнулась на свой любимый стул.

На первый взгляд казалось, что он даже не заметил моего присутствия – настолько углубился в изучение документов. Вены на висках набухли от напряжения, и следовательно время от времени их почесывал. Я молчала, чтобы не вызвать на себя еще большее раздражение, чем обычно.

– Юлия Сергеевна, – без какого-либо приветственного вступления начал он, – я не буду вас винить за дезинформацию, сам понимаю, вам было нелегко, так что давайте сразу приступим. Припомните, пожалуйста, приметы гражданина, который предложил вас подвезти.

– А? – переспросила я, чтобы потянуть время и решить, как мне поступить. Ночью я продолжала размышлять на эту тему, но так и остановилась на мысли, что сначала необходимо переговорить с Николаем. В то же время обманывать я не хотела.

– Ну перед тем, как вы обнаружили тело? Был же мужчина, который предложил вас подвезти?

– А, это, ну да, был, – кивнула я, стараясь выглядеть беспечной; голова же моя готовилась взорваться от невозможности придумать какое-то решение, которое бы устроило одновременно и сердце, и совесть.

– Вы можете его описать?

– Хм, нет, наверно, не смогу.

– Почему? – сверх меры удивился он.

– Так темно было. И не помню я уже толком.

Акунинский заметно погрузстнел, и краска сразу же бросилась мне в лицо – реакция совести на ложь. Я незамедлительно дала себе обет выяснить, что произошло той ночью. Если окажется, что Николай как-то причастен, я обязательно о нем заявлю. А на данный момент вежливый Коля с его обворожительной улыбкой мне куда больше импонировал, нежели скучный, злобно оскалившийся следователь.

– Ладно, давайте сделаем так. – Он достал лист бумаги и ручку и протянул мне. – Попробуйте что-нибудь вспомнить и по ходу записывайте сюда.

– Но... – Уж очень мне не хотелось давать хоть какие-то приметы, которые так или иначе смогут вывести к моему новому знакомому. – Вы бы лучше взяли за водителя «КамАЗа», который меня чуть не сбил. Была же причина для такой спешки! Я имею в виду, может, это он убийца?

– О чем это вы?

Я поняла, что Катька об этом не рассказала (конечно! он выбалтывает только то, что нужно скрыть!) и поведала следователю, что именно помогло мне оказаться в кустах.

Следователь озадачился, пошуршал бумагами и сделал пару звонков. Наконец, изрек:

– Вынужден тебя разочаровать. Водитель данного «КамАЗа» был пьян и свалился в канаву на окраине соседней деревни. Он жив, находится в больнице и не имеет к убийству

никакого отношения. Так что мы должны вернуться к приметам второго мужчины.

– Ясно.

Я решила, что запишу самые общие приметы, по которым все равно никого не найдут. Взяла со стола ручку и принялась за дело: «Высокий, симпатичный, темноволосый, одет в темно-серый костюм...»

В этот момент дверь приоткрылась, и в щелочке показалась голова миловидной молодой женщины; приятное, но заплаканное лицо обрамляли спутанные желтые волосы. Борис Николаевич оживился.

– Да-да, Наталья Викторовна, одну минуточку подождите, я тут кое с кем... особенным разберусь. – То, как он произнес слово «особенный», могло означать только «умственно отсталый». – Почему вы меня все время задерживаете, гражданка Образцова? Вы это нарочно?

– Но я...

– Идите-ка лучше в коридор, а когда закончите, принесете мне лист с приметами и можете быть свободны. Пока.

Короче говоря, выгнали меня в коридор, как какую-то вшивую собаку, а эту Наталью пригласили в кабинет. Ладно, хочешь приметы – сам напросился! Получай, фашист, гранату!

Через двадцать минут я завершила работу и осталась собою крайне довольна. Еще через столько же кабинет освобо-дился (я не стала их прерывать), и тут пробил мой звездный

час. Молча предоставив лист, я уселась на стул, а Борис Николаевич приступил к изучению. Схватившись за сердце, он откинул бумагу и потянулся за корвалолом, имевшим место в ящике письменного стола, видать, как раз для таких случаев.

– Что... – задыхаясь, прошипел следователь. – Что это т... такое?

– Как что? Приметы. – Не удержавшись, я прыснула.

Объект моих издевательств возвел руки к потолку.

– Господи! За что ты послал мне это наказание?! – при слове «это» он, не отрывая взора от потолка, где надеялся узреть Всевышнего, ткнул в меня указательным пальцем. Затем, так и не дождавшись ответа, снова приставил правую руку к груди, с той стороны, где находится сердце, а левой взял ненавистный лист и начал декламировать: – «Высокий, симпатичный, темноволосый, одет в темно-серый костюм, рост 152 сантиметра, волосы зеленые, торчащие в разные стороны, глаза цвета спелой вишни, шрам через все лицо, абсолютно лысый, полностью обнаженный, иногда хвост». Что все это значит? Ты что, белены объелась?! – Так, он уже перешел на «ты». Вот ведь старый кобель, в два раза ж меня старше! – Объясни мне, как он может быть одновременно темноволосым, с зелеными волосами и лысым?!

– Но вы ведь, к примеру, тоже рыжевато-русый и вместе с тем лысый!

– Да? Ну спасибо! – обиделся Акунинский. – А это – оде-

тый в костюм и полностью обнаженный? В одно время, а?

– Ну жарко ему стало, вот и разделся!

– Сто пятьдесят два сантиметра – высокий? Симпатичный со шрамом? А что это за глаза цвета вишни? Красные, что ли?

– На вкус и цвет – спора нет! – мигом сориентировалась я.

– Ладно, это все куда ни шло, но объясни-ка мне, дорогая, что значит иногда хвост?! Что-о?

– А то-о, – передразнила я, – есть такие люди, оборотни называются, у них то есть хвост, то нет. Когда полнолуние, например, в тот самый день – день убийства, – человек превращается в волка, и у него вырастает хвост. Понимаете?

Бедняжка следовательно схватился за голову.

– Нет. Ничего не понимаю. Какие спелые вишни? Какие оборотни?! Ка-кой хвост?!!

Катка открыла тут же, наверное, ждала меня в прихожей.

– Ну, рассказывай, и примемся за дело. – Она действительно выглядела так, словно собиралась куда-то идти: броская одежда, черная подводка на глазах, накладные ресницы. Прическа, однако, подвела: спутанные волосы пока еще не видели ни расчесок, ни гелей для укладки. Возможно, она просто не успела за них взяться, время по ее меркам было утреннее.

– За какое еще дело? – спросила я со скептицизмом, но с ложным: на самом деле мне было интересно узнать, что же

затеяла Катька.

– Искать убийцу.

– Мы?! Ты что, с ума сошла? Пусть полиция ищет.

Мы прошли на кухню. Катя включила чайник на подогрев и потянулась к верхней дверце шкафа, чтобы достать пачку чая.

– Полиция-то, возможно, найдет, – сказала она, не оглядываясь на меня, – могу предположить даже, что того, кого надо. Только нам-то, думаешь, скажут? То-то. Неужели ты не хочешь узнать, кто организовал тебе встречу с трупом?

Я задумалась, но лишь на пару секунд.

– Не хочу, конечно. Ты же меня знаешь, я человек пугливый. Но чтоб себя не обижать, скажу лучше – умный и осторожный. А искать убийцу – дело опасное. – Здесь я вздохнула. – Только вот...

– Что? – заинтересовалась подружка.

Могла ли я продолжить знакомство с Николаем, не будучи уверенной в его невиновности? Разум подсказывал гнать его в шею в случае, если он объявится. Но сердце... Оно никак не допускало мысли о том, что можно отказаться от потенциального счастья из-за какой-то параноической подозрительности, и стучало чаще каждый раз, когда мысли возвращались к Нему. Опасность опасностью, но что она представляет собой в сравнении с Любовью?

Любимова ждала ответа, но многолетнее знакомство с ней подсказывало, что меня засмеют, если я озвучу свои насто-

ящие мотивы. А то и отругают. Мыслимо ли – влюбиться в парня, которого видела за пару минут до обнаружения трупа!

– Только вот как мы будем его искать, даже если забыть про опасность? – выкрутилась я.

Честно говоря, я предполагала, что вопрос мой поставит подругу в тупик или хотя бы в раздумья на некоторый промежуток времени, но не тут-то было: ни секунды не медля, Катя, будто ждавшая этих слов, восторженно ответила:

– А-а! У тебя подруга не дура! Я раздобыла один адресок, туда нам надобно смотаться и задать парочку вопросов.

– Что за адрес?

– Где жил покойный. Мы пойдем к его жене и что-нибудь выясним, к примеру, кто мог желать его смерти...

Я почесала бровь. Катка стала разливать кипяток по чашкам, предварительно положив в них по пакетику, но смотрела, однако, не на столешницу, а на меня. При этом ни капли не пролилось мимо. Этот фокус она проделывала уже неоднократно, и я до сих пор теряюсь в догадках, как ей это удается. Я бы уже ошпарила не только дерево, но и всех живых существ, имевших несчастье оказаться в одном со мной помещении.

– В принципе, можно, но сомневаюсь, что это принесет какие-либо существенные плоды. А как ты адресом-то разжила?

– От уважаемого Бориса Николаевича!

– Что?! Он дал тебе адрес?! – Я не удержалась и свалилась

со стула.

Любимова у меня девушка красивая, обаятельная и формами не обделенная, длинноволосая темная шатенка с голубыми глазами, но чтобы черствый Борис...

— Ага, дал! Держи карман шире! Поднимайся обратно, ничего он мне не дал.

— А как же...

— Сама взяла! Не все же ему в кабинете сидеть, он отлучился — я в документику и заглянула. Ну и сфоткала все, что посчитала нужным. Дату рождения Крюкова, место его работы, адрес по прописке.

— Ты лазила по чужим документам?! — изумлению моему не было предела. Пусть малая доля любопытства во мне все же присутствует, но я никогда, никогда не притронусь к чужим вещам, даже если это будет вопросом жизни и смерти.

— Расслабься, — беспечно отмахнулась она, — он меня не застукал. — Действительно, это ведь главное в вопросах этики! Лишь бы никто не узнал, что ты делаешь что-то, что этой самой этике не соответствует! Я покачала головой, а Катька кивнула на мою чашку. — Ты допила? Пора выдвигаться.

За несколько месяцев до этих событий

Мужчина, стоя на стуле, затянул галстук вокруг своей шеи. «Что ты медлишь? — торопил он себя. — Давай же, ты сам этого хотел. Чем раньше ты это сделаешь, тем быстрее ты будешь вместе с любимой женщиной. Так хочется ее пожать, погладить, утешить. Она уткнется в мое плечо и бу-

дет плакать, вспоминая, как тяжело пришлось ей в самый последний час ее жизни на Земле. А я скажу... Что я ей скажу? Надо заранее придумать ответ, а то кто знает, как будут работать у меня мозги *там*? – Мужчина усмехнулся сам себе. – Какие мозги? Они же являются частью тела, которое умрет. Интересно, что такое сознание? Связано ли оно только с мозгом или же с душой? Иными словами, останется ли сознание таким же после смерти? На всякий случай ответ я должен придумать сейчас. Что ж, я скажу ей: „Милая, пойми, что бы с нами ни происходило – это судьба. Сначала я корил себя за то, что отпустил тебя одну. Теперь же мне открылась истина. Все, что мы делаем, не случайно. И я никак не мог повлиять на линию судьбы. Прости, что заставил тебя ждать эти долгие два дня, хотя *там*, наверно, это мгновение. Я иду к тебе“. А она, вероятно, ответит: „Ты же пошел на великий грех! Себя нельзя убивать!“ – „Любимая, я верю в судьбу. Если бы я не должен был так поступить, у меня бы не получилось, верно? То есть в Книге судеб сказано, что я убью себя. Почему же ты говоришь, что это грех, если великий и всепрощающий Господь сам написал это в этой своей Книге?“ Что же ты на это возразишь? Наверно, вот что: „Милый, ты же знаешь, Люцифер нам посылает разные искушения в течение всей нашей жизни: вино, героин, жажда денег и власти, клевета, распутство, постоянные жалобы на жизнь... Суицид, как способ избавления от неприятностей и тяжб судьбы, уготовленных нам Господом, способ ухода от

них в иной, лучший мир, – также искушение Дьявола. Я рада, что ты со мной, я скучала по тебе, но ты все равно не должен был так поступать“. – „Хорошо, любимая, ты права, – произнесу я тогда. – Я совершил тяжкий грех, но все это лишь для того, чтобы снова увидеть твою душу и иметь возможность быть с тобою вечно“».

Мужчина так обрадовался найденному внутри сознания облеченному в слова объяснению, так явственно представил себе, как озвучит его своей жене, когда вновь с ней встретится, и как засияет ее по-ангельски прозрачное лицо, что не смог сдержать счастливой улыбки. Он затянул потуже на шее галстук и сделал глубокий – последний! – вдох, как вдруг в этот момент послышался звук поворачиваемого в дверном замке ключа.

– Па, ты дома? – услышал он тихий голос своей дочери. Сегодняшние занятия отменили, поэтому она вернулась раньше. Бросив сумку в прихожей, она пошла в ванную. Через пару секунд до него донесся шум весело журчащей воды.

«Господи, что ж я делаю? – осенило вдруг его. – Дочурка, бедная моя! Тебе же так тяжело, а я собрался бросить тебя! Что я творю? Трухлявый осел, совсем спятил на старости лет?! Решил свою девочку полной сиротой оставить? Эгоист, форменный эгоист! Я уйду, а дочь останется, и ей будет намного тяжелее, чем теперь. Тем более когда она первая обнаружит меня висящим под потолком с некрасиво высунутым языком, мертвенно-бледным лицом и темными пятна-

ми вокруг выпученных глаз. Какой кошмар... Я не могу этого допустить. Прости, милая, я обязательно приду к тебе, но тогда, когда наступит время. Сейчас я не могу, понимаешь? Я должен оберегать нашу дочь. Она все, что у меня осталось на этом свете, а я, в свой черед, все, что есть у нее».

Он попытался освободиться из тугого узла, но вдруг нога соскользнула, стул опрокинулся, а петля начала сдавливать беспомощную шею.

«Нет, только не это! Только не сейчас!!»

* * *

– Объект нашего посещения, то бишь вдова Крюкова, проживает на улице Вокзальной, – сказала Катя, как только мы вышли на улицу. – Я нашла на карте эту улицу. Она находится на вокзале.

– Неужели? – хихикнула я.

– Сама удивилась, – в шутку ответила спутница. – Всего три остановки. А вот и автобус.

Мы тормознули маршрутку и уселись в нее. До нужной нам точки добрались менее, чем за десять минут. В течение этого времени мы упорно спорили на тему, кто придумает нам легенду (должны же мы как-то объяснить свой непомерный интерес к труп), огласит ее, ну и вообще начнет разговор. Сам по себе спор родил у меня другой вопрос, который я задала подруге:

– А правда, почему ты взялась за это дело? Если мы и себе не сможем объяснить, то...

Я пожалала плечами, показывая, что заканчивать фразу нет смысла, а Катька посмотрела на меня с шаловливым огоньком в глазах и задала встречный вопрос:

– Ну а ты зачем?

«Она знает!» – вдруг позвучало внутри моей черепной коробки. – «Откуда?»

Я пролепетала что-то насчет того, что мой интерес вызван падением на тело банкира (короче, повторила ее собственные слова из предыдущего разговора на кухне).

– Ну а мне просто скучно. Наша остановка, идем.

Уже в лифте Катька согласилась взять всю ответственность на себя под моим веским доводом, что все-таки это она, а не я, придумала посетить Крюкову, но как только нужная дверь открылась, все эти мысли улетучились: перед нами стояла та самая миловидная, но заплаканная Наталья Викторовна, перед которой Акунинский так дико унижил меня сегодня.

Вопрос «Вам кого?» вывел меня из шока.

– Наталья Викторовна, – обратилась я ко вдове и почувствовала на себе Катькин заинтригованный взгляд: откуда, мол, она знает имя-отчество, и от этого ощутила прилив смелости. – Меня зовут Юля, это я нашла в деревне вашего мужа.

– Я узнала вас. Проходите. – Она посторонилась и пропу-

стила нас в недра богато обставленной прихожей. – Идите за мной.

И мы пошли, но сперва, естественно, скинули обувь и пиджаки и попали затем на не менее шикарную кухню. Да, жили здесь отнюдь не бедно. Впрочем, исходя из того, что убитый был банкиром, удивляться нечему.

Пока хозяйка готовила нам чай, мы спутанно пытались объяснить причины, по которым взялись за расследование. Получалось плохо, наверно, потому, что мы сами так до конца и не поняли.

– Все равно не могу взять в голову, зачем вам это надо. Тем более, что я уже была у следователя и рассказала все, что знала.

– Но нам-то следователь не разгласит ваших показаний, – резонно заметила подруга. – А для них это обычное дело, каких тысячи. Они работают одновременно по двадцати разным убийствам и не могут уделить много времени каждому конкретному случаю. А мы можем.

– Хорошо. Задавайте свои вопросы.

– У вашего мужа были враги? – не слишком оригинально начала я.

– Враги? Нет, скорее завистники. Вы, наверно, знаете, Саша – владелец банка. Он учредил ЗАО и сам занял пост директора.

– А вы где работаете?

– Я директор магазина «Стиль». Продаем одежду и яркие

аксессуары. Здесь недалеко, на Талалихинской улице, может, знаете?

– Точно! – обрадованно воскликнула Катька. – Именно там я купила цветастый платок под новое пальто. Выбор был такой богатый!

– Да, – кивнула Наталья, – аксессуарами занимаюсь лично я. Сама очень люблю носить шейные платки и шарфики. Жаль, недавно потеряла один. Очень необычной расцветки. Господи, – осекла она себя, приложив ладонь ко лбу, – о чем я говорю? Саши больше нет, а я по шарфику горюю...

Я поняла, что мы своими вопросами только огорчаем женщину и она сейчас чего доброго расплачется. Нужно было отвлечь ее от горя, хотя бы переключив на мыслительный процесс.

– Вы случайно не знаете, кто займет место директора банка?

– Конечно, знаю, – повернулась Крюкова ко мне. – Заместитель. Вообще муж распорядился, чтобы у него было два зама: Юрочкин Жора и Хрякин Николай. – Едва заслышав вторую фамилию, я почувствовала, как запылали щеки. – Коля Сашин друг детства, но Жорик мужнин единоутробный брат, потому контрольный пакет акций и, соответственно, место директора он завещал ему.

– А этот Хре... Хрякин – да? – знал, кому перейдет контрольный пакет акций в случае кончины вашего мужа? – активировалась Катя и сразу же прибавила извинения.

– Ничего. Да, он знал.

– И как реагировал на это? Наверняка очень злился по этому поводу?

Я не по-доброму глянула на подругу, но та только пожала плечами, дескать, я всего лишь задаю вопросы, не понимаю, что тебе не нравится.

– Как? Да никак. Он понял Сашу. Видите ли, муж чрезмерно уважал свою мать, хоть она и бросила их с отцом, когда Саше не было и четырех. Она вышла замуж и снова родила – это единственное, что было о ней известно. Но когда второй муж прогорел, она стала частенько прибегать к бывшему за деньгами в долг. Когда Жоре исполнилось восемнадцать, мамаша вдруг вспомнила о первом сыне – Саше тогда было уже двадцать три, и он успешно продвигался по карьерной лестнице, – и попросила пристроить ее второго сына на хорошее место. Так и произошло знакомство братьев, они стали вместе работать. Затем Саша открыл собственный банк и взял Жору вторым заместителем. Я говорила ему, что... В общем, он не мог относиться непредвзято к этой семейке, считал их близкими людьми, хотя эта так называемая мать его всюю использовала. Мне не удалось повлиять на его выбор.

– А кому отойдет все остальное имущество и деньги по завещанию? – спросила я. – Если было завещание.

– Мне.

– Скажите, Наталья, – влезла опять подруга, – и извините

за нескромный вопрос, какими были отношения между вами и мужем?

– Я вышла замуж по любви, если вы это имеете в виду.

– Ага. И все эти годы...

– Да. Мы были влюблены.

– И сколько это будет лет?

– Одиннадцать.

– Одиннадцать лет... – протянула Любимова. – Надо же!

Вы невероятные! Та же страсть, те же глубина чувств и взаимопонимание, та же мистическая связь двух половинок... Вау!

Я испугалась, что она начнет аплодировать, но, слава богу, обошлось без этого. Моя подруга просто без тормозов. Я успела привыкнуть к ее выходкам, но на незнакомых людей это обычно производило неизгладимое впечатление.

Наталья, однако, оставалась спокойна, хотя перестала смотреть нам в глаза.

– Ну, не совсем все то же... За долгие годы так не бывает, – изучая свои ногти, говорила она. – Тем более когда у мужчины определенный статус... Так что... – Ее голос становился все тише, пока вдова не осеклась совсем, поняв, что сказала лишнее. Тогда она нарочито бодрым тоном предложила: – Еще чаю?

Не дожидаясь ответа, Крюкова подскочила и шагнула к широкому подоконнику, на котором нашел свой приют прозрачный электрический чайник.

– То есть, – продолжила наседать Катька, – были проблемы с девочками, так?

Я пнула ее ногой под столом, но она даже не шелохнулась.

– Какие еще девчонки? – Наташа попыталась улыбнуться, мол, что за глупость, но она была плохой актрисой. Только сейчас до меня дошло, что странное поведение подруги имело объяснение: она нащупала след.

– Ой, простите, – сказала Катя, так же глупо улыбаясь, – просто обычно так бывает. Статусные мужики, как вы сами назвали мужа, заводят любовниц. У них так положено. Но ваш супруг, стало быть, не из таких. Молодец. Его партнеры и дружки, наверно, посмеивались над его порядочностью. Но он держался и плевал на их мнение. И продолжал оставаться верным, потому что...

Катька не успела договорить.

– Именно так! – рыкнула Наташа, ставя обновленную кружку напротив Катьки с такой силой, что едва не выплеснула не нее кипяток. Затем села на свое место и, уронив голову на согнутые на столе локти, расплакалась – по-детски жалостливо и самозабвенно.

Я, сидя рядом с ней, погладила вздрагивающее плечо, покраснев от стыда.

– Простите ради Бога! Я не понимаю, что нашло на мою подругу сегодня...

Сквозь слезы она ответила:

– Нет-нет, все в порядке. Она права. Я знаю, что муж тоже

любил меня, но за последний месяц отношения резко изменились. Мне кажется, что... у него... кто-то появился.

– Почему? – в один голос спросили мы.

Но она только рыдала. Нам еле удалось ее успокоить. За свое терпение вкупе с сочувствием мы были вознаграждены: нам открыли глубины личных взаимоотношений. То есть ту сферу, куда работников правоохранительных органов по возможности не допускают.

– У нас была огромная любовь. Все знакомые были против нашего брака, считая меня недостойной парой Саше, но он на всех плевал. Все было замечательно, пока не появилась эта... – хотела Крюкова как-то ругнуться, но сдержалась, – разлучница!

– Ты это точно знаешь? – спросила я, так как мы уже перешли на «ты».

– Да. Он стал редко бывать дома, иногда от него попахивало женскими духами. Но апофеоз всему наступил, когда я, собираясь постирать мужнин пиджак, обнаружила во внутреннем кармане розовый клочок бумаги. Женским почерком с красивыми закорючками там было выведено: «Ленусик» и телефон. – Наташа сбегала в спальню и вернулась с треклятой запиской в руках. – Вот, полюбуйтесь! Тут уж я не смогла стерпеть и устроила мужу разборку. Саша не смог объяснить, кто она такая, и первый раз в жизни меня ударил. Из-за синяка я не могла ходить на работу, пришлось взять больничный. Такой позор! Я много раз порывалась позво-

нить по этому номеру, высказать ей все, что накопилось, но не смогла.

– Можно это взять? – Катька пошевелила листик бумаги в своей руке, а я рот открыла от изумления: первый случай, когда она спрашивает, прежде чем взять чужие вещи.

– Конечно. У меня духу не хватит позвонить.

Ну да. Если у кого-то его и хватит, то только у Кати.

Мы еще немного поболтали о том о сем и обменялись телефонами. Затем с чувством выполненного долга мы с Катей начали прощаться и вышли в прихожую.

– Какая замечательная обстановка, – снова, на этот раз вслух, подивилась я роскоши богатой квартиры.

– Да... Подумать только, еще четыре дня назад мы с мужем обсуждали ремонт новой квартиры и место, где будет лестница. Еще четыре дня назад он был жив. – Губы Натальи дрогнули, и из глаз покатались крупные слезы.

– Ремонт? – воскликнули мы изумленно. Все выглядело так, будто евроремонт делали совсем недавно.

– Да, – быстро взяв себя в руки, сообщила вдова. – Мы купили квартиру прямо над нами. Вот и думали, как ее обставить и где соединить два уровня. – Так вот оно что! – И купить новую машину планировали. А я просила мужа вырваться хоть на недельку и слетать на Мальдивы. Отпраздновать. Ведь такие большие деньги могут достаться только раз в жизни. Это неожиданное везение.

– Какие деньги? – беспардонно поинтересовалась подру-

га. – Лотерея?

– Да нет. Мужу наследство оставили, – бесхитростно открылась Наташа. – Тетя его отца. Еще давно она вышла замуж за итальянца-миллиардера и укатила с ним в Рим. Итальянец был стар и умер через полгода после свадьбы. У него был сын, и все деньги и три виллы достались им с теткой в равных долях. А потом умерла сама тетя, и все ее имущество перешло к моему мужу, так как больше у нее никого не было.

– Наташ, а у тебя есть какие-нибудь родственники? – спросила Катя настороженно.

– Нет, я же детдомовская. – Она вздохнула, вспоминая голодное детство. – Потому-то все знакомые Саши и были против нашего брака. Вы заходите ко мне иногда. У меня больше никого нет.

Мы пообещали, что непременно зайдем.

Глава 3

Я провожала Катю до дома, и по дороге она выпытывала у меня, отчего я такая грустная. Не обиделась ли я на что?

– Может, на то, как ты вела себя с несчастной вдовой? – наконец ответила я с умеренной порцией резкости.

– Не, еще до этого...

Я вздохнула. С Любимовой не забалуешь. Она подмечает все, даже малейшее изменение настроения и тона. Пришлось признаться, что я среагировала на имя Николай Хрякин и затем объяснять почему. На мое счастье, к этому моменту мы подошли к ее подъезду, и я смогла ретироваться, не выслушивая гадостей.

Проходя насквозь парковку возле здания прокуратуры и держа курс на светофор, я не могла снова не вспомнить о Николае – это было то самое место, где мы, так сказать, нормально познакомились. Итак, он был заместителем Крюкова без каких-либо перспектив. Мог ли он, как решила Катя, всадить нож в спину друга в самом прямом смысле? Я энергично покачала головой. Нет, он явно не подходил под этот типаж. Не Отелло. Коля казался рациональным человеком, сдержанным, педантичным. А нож в спине – взрыв эмоций. Но даже отбросив в сторону способ убийства, по рациональным мотивам он опять же не мог совершить убийство, просто потому что их не было. Не он, а Георгий Юрочкин полу-

чит теперь компанию. Значит, я правильно сделала, умолчав о нем следователю.

Зная, что Николай не убийца, я могла расслабиться и предаться теперь другим мыслям – романтическим. Я представила его, с широкой улыбкой подходящего к своей роскошной черной иномарке. Вот он открывает передо мной дверцу, и я залезаю в пропахший дорогим мужским парфюмом салон. Вот он дарит мне незабываемую улыбку... А это что такое? Омерзительный сигнал автомобиля раскалывал уши на части, а мое левое бедро пронзила острая боль. Такого в моем сценарии не было!

– Ты куда прешь, идиотка? Жить надоело – бросайся с крыши! А на дорогу не лезь! – И выдавшая виды «пятерка» покатила себе дальше.

Здорово! Настолько углубилась в воспоминания о встрече с принцем, что не обнаружила, как выползла на дорогу и попала под машину. Слава богу, удар вышел слабым, я даже не упала.

Прихрамывая, я добрела до своего подъезда, где и встретила провожавшую меня тогда до квартиры пожилую соседку, вышедшую на очередную прогулку с любимой собакой по кличке Чарлик. Глядя, как я, хромая и держась левой рукой за бедро, передвигаюсь в сторону дома, старуха, качая головой, начала по обыкновению бормотать:

– Ах, вы, менты! Ироды окаянные! До чего девку довели? Уже ногами избивают, чтобы заставить взять на себя всю

вину! Эх!

На бедре, конечно, образовалось покраснение и скоро появится огромный фингал. Но это я еще легко отделалась. Хорошо, что родители были на работе, не то не избежать мне лекции на тему «Дорожно-транспортные происшествия».

Пришли они только вечером, когда я уже приняла анальгин, намазала бедро одновременно йодом, зеленкой и тональным кремом и даже на всякий случай перетянула бинтом. Под длинным халатом всего этого безобразия не было видно.

Только мы с родителями уселись ужинать, как в дверь позвонили. Стараясь не хромать, я пошла к входной двери. На пороге в компании со здоровенным чемоданом стояла... Таня Грачева. Да, та самая рыжая одноклассница, которая любит петь.

Я открыла рот, но, пребывая в изумлении, ничего не сумела вымолвить. Честно говоря, даже не предполагала, чтобы Таня знала, где я живу, не то что уж ожидала ее в гости. С чемоданом. Одноклассница тоже стояла молча. Немая сцена продолжалась до тех пор, пока из комнаты не появились родители.

– Что случилось? Кто пришел? – полюбопытствовала у меня мама, но я лишь посторонилась, пропуская в квартиру незваную гостью.

– Можно я у вас денечек перекантуюсь? – обратилась к

нам Танька.

– С родителями разругалась? – предположил отец.

– Да нет, мы квартиру продали. Новые жильцы велели сегодня же выселиться. А комнату еще не нашли. Родители живут у бабушки с дедушкой в однокомнатной хрущевке, там и так места мало, и я...

– Пришла жить к нам в однокомнатную хрущевку, – закончила за нее я.

Мать гневно сверкнула на меня глазами и обратилась к Рыжей (ее официальная школьная кличка):

– Конечно, живи у нас, сколько нужно.

– А почему вы так внезапно решили продавать квартиру? – насторожилась я.

– Давайте сначала поужинаем, – предложил папа, – а потом Таня нам все расскажет.

Грачева сняла с себя розовый бархатный пиджачок, очень удачно подходивший к ее оранжевой вельветовой юбке, пристроила его на вешалку, и все вместе мы прошли в кухню.

– Ой, у вас телевизора на кухне нет? Сейчас начнется мой любимый сериал, можно я буду есть в комнате? – спросила беспардонная Рыжая.

– Да-да, конечно! Юль, иди разбери там стол и постели скатерть!

«Конечно, – возмутилась я, правда, мысленно, – чуть что, сразу Юля!»

Таня, если это не была моя галлюцинация, как-то злорад-

но и даже дьявольски заулыбалась, но пошла мне помогать (впрочем, только мешалась под ногами).

Любимым сериалом одноклассницы было «Сверхъестественное», так что ужин прошел под вампиров, демонов и звуки пальбы из двустволки (как оказалось, заряды соли отпугивают привидений). Не считая этого, поужинали мы вполне цивилизованно, как обычная семья, и я даже с удивлением для себя обнаружила, что Таня не так уж сюда и не вписывается. Чего это я на нее так поначалу наехала? Наверно, разыграла ревность.

Вслед за тем Грачева принялась рассказывать. Все в их семье было хорошо, пока Виктор Витальевич – Танин отец – не решил, поверив доходчивого содержания рекламе, отнести все-все семейные сбережения в банк. В последнее время были кое-какие проблемы с накоплениями: Танину маму уволили, а отцу понизили зарплату на заводе, в связи с этими событиями ежемесячный накопительный процент этого банка выглядел сказкой. Но на прошлой неделе два удручающих события произошли одновременно: Танин отец попал теперь уже под сокращение (заводы в нашей стране давно уже переживают не лучшие времена) и им пришлось извещать о том, что банк разорился и, следовательно, всем деньгам пришел, извиняюсь, кирдык. Еще там было сказано, что если банку «Тэмпо» удастся восстановиться, то семье будут выплачены все потерянные деньги, но в это как-то верилось с трудом. Сейчас в российском законодательстве есть закон

об обязательном страховании вкладов и о конкретной сумме, в пределах которой деньги возвращаются вкладчикам, но описываемые в книге события произошли несколько лет назад. Отец Тани оббегал всех юристов (на что потратил все оставшиеся сбережения), но оказалось, что договор на оказание услуг составлен так хитро, что ничего предпринять нельзя, банк полностью себя в этом смысле обезопасил. У Таниной мамы нет никакого образования, а у ее папы очень узкая специализация, поэтому найти нормальную работу им не просто. Пришлось дать объявление о продаже двухкомнатной квартиры, а взамен искать либо однокомнатную, но в отдаленном районе (этого никому не хотелось, потому что наша школа находилась в центре города и Таня не желала переводиться) или же комнату в коммуналке.

– А вы где деньги храните? – спросила Танька.

На что мама, не подумав, без лишней скромности выпалила:

– В банке.

– Вот! Это очень опасно, как видите. В каком?

– Да не в банке, а в банке. Полуторалитровой.

На Танином лице отобразился мучительный мыслительный процесс, столь ей несвойственный. Наконец на то же самое лицо явился отблеск озарения, и изумленная донельзя Татьяна громко выкрикнула:

– Что-о?! В банке?! Прямо в банке?! Ну вы даете!

– Покруче любого банка будет! – похвастала своей смека-

листостью мама.

– А также под горшком, под паласом, в бачке унитаза, внутри сиденья кресла, между оконными рамами... – бурча себе под нос, так, чтобы слышал только папа, перечисляла я все сейфы, что только могла вспомнить (но далеко не все, что наличествовали на самом деле), выдавая с потрохами нашу семейную тайну. Тот, кого это касалось, услышал и, едва сдерживая смех, заговорщицки мне подмигнул.

Так как ни раскладушек, ни лишних диванов, ни кресел-кроватей в нашей квартире не наблюдалось, Таньку определили на мою софу, причем вместе со мной, потому ее пришлось разбирать. Всю ночь Рыжая тянула на себя одеяло и потихоньку сдвигала меня к самому краю лежбища, пока я совсем с него ни грохнулась.

– Уй! – Потирая ушибленную заднюю часть, я шепотом взвыла с пола: – Идиотка! Что ты наделала!

– Ты, Юлька, не кричи, – донеслось спокойное с кровати. – Ты небось полагаешь, я просто так ворочаюсь, а я вот думаю.

Я решила, что ослышалась.

– Чего? Какую еще думаю? – шипела я словно змея, выгнанная из своей норы пресловутым мангустом, залезая под одеяло.

– Кем мне быть. Вот ты уже решила?

– Естественно, еще сто пятьдесят лет назад, когда изучала информацию по местным и московским вузам. Экономи-

стом. А вот ты даже ни на какие курсы не ходила, учишься все хуже и хуже, и еще мыслишь, что кем-то станешь.

– Стать-то я стану. Звездой. – Ну я ведь говорила! Слышали, знаем. – А сейчас передо мной стоит задача: быть моделью, певицей или актрисой?

– Ха! – Я не смогла сдержаться и зашлась в хохоте. – Не смей меня! Поломойкой ты будешь, вот кем!

– Что-о-о? – Танька даже подавилась, наверно, грядущей реальностью. – Я, если хочешь знать, буду тремя одновременно!

– Таня, давай ты для начала станешь Спящей Красавицей, хорошо? Ну хотя бы до утра, договорились?

Грачева вскорости уже играла эту роль, а я вот, без толку проворочавшись с боку на бок, поняла, что засыпание мне в ближайшие минуты не грозит, и целиком погрузилась в размышления о деревенском мертвеце.

Что мы имеем? И без того не бедный, банкир вдруг приобретает гигантское наследство. И вскоре получает нож в спину. Случайность? Вряд ли. Кому выгодна его смерть? Во-первых, тем, кто внесен в его завещание. На данный момент, мне известны два имени – Наталья, его жена, и Георгий, его единоутробный брат. Первая мне не кажется способной на убийство, тем более что деньгами она и так могла распоряжаться, а второго я пока не видела. Кто еще в подозреваемых? Коля? Повторюсь, он не выигрывал от смерти ровным счетом ничего, так что на данный момент с приятным облег-

чением на сердце я вычеркиваю его из списка. Только что он делал *там*? Этот вопрос так и висел все это время, мешал жить, дышать и обязан был рано или поздно всплыть. Я непременно спрошу его об этом, когда увижу. Если увижу...

Итак, вернемся к семье попрошаек Юрочкиных, которые весьма годятся на роль убийц. Во-первых, банк. Во-вторых, надо выяснить, не могут ли они каким-то путем получить все деньги, квартиру и прочее имущество. Скажем, оспорить завещание. Его мать тоже наследница первой очереди, наравне с женой.

С этими умозаключениями я и отбыла в царство Морфея.

Разбудил меня телефон. Звонила Катька. Едва услышав ее голос, вместо приветствия я пробубнила в трубку:

– Боже мой! Я переспала Катьку!

– Вообще-то привет. Но спать ты не дурна – двенадцатый час. Хорошо живешь, подруга!

– Хорошо?! Да если б не эта Рыжая! – Я посмотрела направо: Танька мирно похрапывала, заняв две трети дивана.

– Грачева? При чем здесь она? Ладно, давай собирайся. Через полчаса я за тобой зайду.

– Опять расследование? Кого на этот раз пытаем с пристрастием?

– На этот раз у нас похороны. – И она дала отбой, не дав мне возможности ни уточнить, ни опротестовать.

Родителей дома не было, наверно, укатали в магазин или

на рыбалку, что не менее вероятно. Я оделась в черное, но сверху пришлось накинуть бежевую замшевую ветровку, потому что ничего другого у меня не было. В то же время она не белая и не красная, да и Крюков мне по сути никто. Потом вдруг пришли приятные мысли о том, кого я могу там увидеть, и мне до жути захотелось сотворить потрясающий макияж, что я и принялась выделять, увлекаясь все более и более. Добавлю, что после бледно-розового блеска для губ, единственно украшавшего мой фейс во все прежние времена, узнать меня было непросто. В довесок к образу я распустила волосы, а то они уже отвыкли от всего, что не причислялось к разряду хвостов. Пусть он упадет!

«Стоп, – тут же одернула я себя. – Кто – он? Ты на свидание собралась или на похороны?»

Звонок раздался с опозданием на шесть с половиной минут: Катька имела привычку опаздывать ровно на это количество времени.

«Как всегда», – хихикнула я и пошла открывать.

Стоило Кате увидеть мою физиономию, как ее брови резко вспорхнули вверх, спрятались под короткую челку, да так там и остались. Короче говоря, вместо ненаглядного принца «падение» совершила лучшая подруга.

– Ты что с собой сделала?!

– Что, плохо? – Я обеспокоенно обратилась к зеркалу и принялась критически себя оглядывать. Оказывается, это крайне занимательное занятие, а я и не подозревала! – Ска-

жи мне правду! Скажи! Плохо?! – мой голос постепенно срывался на визг, а душевное состояние приближалось к истерии. – Мне так плохо?! Я страшная, да?!

– Да нет, утомонись. Для новогодней елки в самый раз... Ладно, некогда переделывать. Идем, – она грубо схватила меня под руку и понеслась, словно ураган, вниз по лестнице.

– Подожди! – что есть силы отбивалась я. – Я ж не успела рассмотреть себя сзади!

– Хрюшкин рассмотрит, – съехидничала она, имея в виду, разумеется, Хрякина. – Быстрее, вон автобус!

Я рассказала Катьке историю появления Таньки в нашем доме, что заняло всю дорогу до кладбища, а подруга тем временем терла мое лицо влажной салфеткой, чтобы смыть с меня образ индейца, вышедшего на тропу войны.

На момент нашего появления там уже вовсю шла церемония, гроб опускали в вырытую ранее яму, некоторые среди присутствующих плакали. Народу было много, видимо, убитый банкир был личностью известной. Сначала мы просто стояли в стороне, но найдя глазами плачущую Наташку, решили к ней подойти. Она почему-то стояла одна. Приблизившись к ней, я тут же протянула бумажные салфетки.

– Спасибо, – пробормотала вдова и стала вытирать слезы.

Подождав, когда она успокоится, Катя принялась ее бессовестно пытаться:

– Скажи, ты всех здесь знаешь?

– Да, большую часть. В основном здесь сотрудники банка

и компаньоны по бизнесу. Родственников у него было мало.
– А Юрочкины тоже присутствуют? Можешь показать их?
Как оказалось, Катя шла тем же путем, что и я вчера. Не зря она ими заинтересовалась.

Крюкова ткнула пальцем в группу из пяти человек, тихо стоявшую возле самой ограды.

– Вот этот высокий – Жора, рядом с ним его жена, Ангелина, – показала она на невысокую и полноватую темноволосую женщину. – Мальчики – это их сыновья. Старший Артем, ему пять, младшему Егорке четыре.

– А что это за женщина лет шестидесяти возле Георгия? – осведомилась я. – Та, что плачет?

– Моя свекровь, так называемая. Я думала, она и слезинки не проронит. Дождалась-таки, – со злостью выдала Наталья.

– Чего дождалась? – замерли мы в предчувствии разгадки преступления.

– Сашиной смерти, – вздохнула вдова. – Всю кровь из него высосала. Еще мать называется. – Тряхнув головой, словно пытаясь освободиться от какого-то неведомого нам наваждения, а может, приступа ярости, продолжила: – А вот этот, который приближается к нам, это Николай Хрякин. Помните, я о нем говорила?

Да. Не знаю, как Катька, а вот я помнила о нем постоянно и беспрерывно.

– Юля! И ты здесь? – удивленно поприветствовал меня Коля, подходя к нашей невеликих размеров группе. Все бли-

же и ближе...

– Да, – проямлила я и заулыбалась. Я знала, что на похоронах этого делать нельзя, тем более стоя рядом с горящей вдовой (и мне стыдно, правда!), но один вид Николая Хрякина рождает бабочек в моем животе.

Крюкова скорее всего удивилась, но вида не подала.

Так состав нашего ополчения вырос до четырех представителей. Разговор плавно потек вокруг убитого, в основном, о том, каким он был хорошим человеком, какой они с Наташкой были замечательной парой, да как же все так жутко произошло. Потом Николай, закуривая дорогие сигареты (я никогда в жизни не курила, даже не пробовала, но мой папа заядлый курильщик, поэтому я знала цены), поведал нам подробности своего бизнеса, в чем мы были абсолютными чайниками, в смысле ничегошеньки не секли. Затем переключились на семью Юрочкиных. По всей беседе в общем и по некоторым фразам в отдельности создавалось впечатление, что Николай недолюбливает Юрочкиных так же, как и Наталья, если не больше, но бойкот относился в основном к матери Александра, а о Георгии, к моему несказанному удивлению, Колька отзывался скорее со знаком «плюс». «Благородный», – тут же пискнуло мое сердечко. Ну ведь действительно, абсолютное большинство на его месте недолюбливало бы Юрочкина только за то, что ему светит недостойное его (как этому большинству от зависти и казалось бы) место, а вот такие достойные пропадают в вечных замах. Так, и сей-

час Хрякин хвалил Жорика за то, что он срочно прилетел из Штатов (куда его отправил еще живой Крюков), дабы посетить похороны, хотя один пропущенный день в подобном бизнесе может многое поломать.

– То есть на момент убийства Георгий Юрочкин был в США? – по-простецки любопытствовала Катька, даже не подумав о том, как это прозвучит.

Колины брови взлетели от удивления на такую бесчувственность, тем не менее он кивнул.

– Жаль, – пробормотала подруга, что звучало гораздо хуже, чем предыдущая реплика, однако никто ей не сделал замечания.

Но и на этом ее энтузиазм не иссяк. Через некоторый промежуток времени Катька, проследив за моим немигающим взглядом, который как вперился в самом начале в Николая, так и не желал от не него отлепяться, и задумав прийти мне на выручку, неожиданно, но демонстративно глянула на наручные часы и заголосила:

– Боже, ужас какой! Уже половина второго! Юлька, че ты молчишь? – и больно ткнула меня локтем в бок. Я охнула, но смолчала, ибо еще не догадалась, какая роль полагалась мне в импровизированном Катькой спектакле.

– А в чем дело? – культурно осведомилась Наталья.

– Да у нее отец очень строгий. Стоит чуть опоздать – сразу ремень в руки! Велел в два как штык быть дома.

– Так в чем проблема? – отозвался тот, кого это все гряз-

ное дело и касалось. — Время еще есть.

Я опять не нашлась что ответить, но Катька-то из другого теста:

— Транспорт — штука непостоянная.

— Зачем транспорт? У меня машина, я довезу.

Я начала было соображать, чем же его машина так прови-
нилась, что ее нельзя причислить к семейству транспорта, но
размышления мои прервала фантастическая по своей чудес-
ности картина, вставшая перед очами: сидим мы вдвоем в
салоне автомобиля, лишь только мы и никого больше на этом
свете (пусть даже свет ограничивался размерами «БМВ»),
так близко друг от друга, совсем рядышком. Лишь он, я и
месяц на небе. Такой круглый-круглый...

Мне бы остановиться на этом и вспомнить один пикант-
ный момент из своей жизни, тесно связанный по рукам и но-
гам как раз таки с этой круглой луной, да что предшествова-
ло появлению на ней образа ведьмы на метле, но фантазии
уносили меня все дальше, в мир блаженства и неги. Послед-
ней каплей стал просторный, оформленный в стиле класси-
цизм зал, куда я перенеслась в своем воображении и где я
стояла рядом с Колей, а вокруг были родственники и друзья,
и загадочная тетя, страдающая лишним весом, который она
пыталась спрятать под свободным ярко-синим вельветовым
костюмом, праздничным и безвкусным одновременно, спро-
сила торжественным голосом: «Согласны ли вы взять в му-
жья...»

Не дослушав ее (я и так уже поняла, кого именно в мужья мне предлагают), я воскликнула в голос:

– Я согласна!! – и... вернулась на грешную, скучную, депрессивную Землю.

Весь народ, который только присутствовал на кладбище, со всех его концов и пределов уставился на меня, дуру такую, в сильнейшем, но вполне оправданном недоумении. Бедный Николай, который, как оказалось, за все время моего полета на десятое небо и обратно уже забыл о своем предложении подвезти и перевел разговор на совершенно иную тему, от неожиданности аж подпрыгнул и, бросив взгляд по сторонам, дабы убедиться, что высказывание адресовано именно ему, а не кому-то другому, счел нужным уточнить:

– Э-э... На что?

– М-м... на то, чтобы ты довез меня, – не ударила я в грязь лицом перед предметом своих мечтаний. Или ударила?

– Ну да, мы как бы уже обсудили это с твоей подругой... Почему-то с ней, а не с тобой... Ну да ладно.

– Ой, я просто прослушала. Часто витаю в облаках, извини.

Катка, едва сдерживая хихиканье, покрутила пальцем у виска, а Коля пожал плечами:

– Ничего страшного.

Через пять минут Наташка пошла возлагать цветы на могилу мужа, прихватив с собой мою лучшую подругу и гвоздики Хрякина, пожелавшего остаться со мной. Стоило им

отойти, он взял меня за руку (от этого жеста у меня задрожали колени, захотелось плакать от счастья, и по этим неоспоримым признакам я определила, что полностью и бесповоротно влюбилась) и повел куда-то вдаль...

– Я хотел тебя кое о чем спросить, – сообщил он, когда мы отошли уже на приличное расстояние от кладбища и направлялись, судя по всему, к не являющейся по неведомой мне причине транспортом и оставленной неподалеку машине. – О чем с тобой беседовал Акунинский?

– Акунинский?

– Да, следовательно.

– Когда? В первый или во второй раз? – посмела уточнить я.

– А что, был и второй?

– Да, – Я прикидывала, стоит ли ему рассказывать о второй беседе, но, вспомнив приметы, которые я дала, решила, что не стоит: вдруг обидится? – Но мне неохота об этом говорить.

– Неохота? – вроде бы удивился он незнакомому слову и как-то сразу притих, очевидно, пытаясь припомнить, как выглядит словарь Ожегова и что там говорится об этом страшном термине. Мы сели в автомобиль, но Николай все еще размышлял, а когда я наконец придумала синоним слову «неохота» и открыла рот, чтобы об этом возвестить, Хрякин все ж таки ожил: – Видишь ли, я не из праздного любопытства спрашиваю. Я начал что-то вроде собственного незави-

симого расследования. Понимаешь, не верю я этим ментам! Что им с того, что пришили очередного крутого дядьку с толстым кошельком? А для меня это дело чести, понимаешь? – Он толкал эту речь с таким чувством, что я поспешила закивать головой, что, мол, да, я тебя прекрасно понимаю. – Вот. Потому я и спрашиваю, мало ли, может, он тебе что-то важное сказал, чего не говорил мне.

– Бывают же такие совпадения! – сверх меры обрадовалась я и поторопилась поделиться своей радостью. – Я тоже начала собственное расследование. Хочу найти убийцу.

– Что... Ты?! Сама?!

– Ну как, не совсем сама. Я уговорила Катьку помочь мне, – каюсь, тут я немного слукавила, но так меня распирало от гордости за то, что удалось-таки проявить к себе хрякинский интерес, что я б пошла и не на то. – И мы уже кое до чего докопались. – А вот даже на что.

– Правда? И до чего же? – Словно опомнившись, Колька наконец-то завел мотор, и мы тронулись.

– Ты знаешь, например, что Наталья получит наследство, оставленное ее мужу итальянскими родственниками?

– Что? Кем? Когда?

«Ага! Он этого не знает!» – обрадовалась я и, весьма довольная собой, продолжила:

– Как когда? Я не сильна в законах, но, наверное, через полгода.

– Ты-то откуда узнала? – нежно поинтересовался он.

– У женщин свои секреты, – засмеялась я. – Может, ты еще и про любовницу не знаешь?

– Какую?

– Не какую, а чью! – продолжала, как больная, смеяться я. – Убитого Крюкова. Как это ты не знал? Вы же друзья!

– Ладно, слушай, я все это знал, просто тебя проверял. Хотел узнать, чего ты стоишь как сыщик.

Ах! Это удар ниже пояса!

– Обманщик! – Я шутя задвинула ему легонький подзатыльник. – Нехороший человек! Зачем ты так поступил со мной?

– Извини. За это я беру тебя в свою команду. Потому что ты молодец, настоящий Шерлок Холмс в юбке! Две головы лучше одной. Пойдешь?

«Ну наконец-то!» – еще сильнее развеселилась я, ведь конкретно того и добивалась.

– Пойду!

Остановив «БМВ» опять-таки возле моего подъезда, будто читая мои мысли, мой кавалер посмотрел на меня и спросил:

– Если я приглашу тебя в ресторан, ты согласишься?

– А ты пригласишь? – не веря своим ушам, уточнила я.

– Да. Уже пригласил. Ну так как?

Глядя в его глаза, полные всей той нежности, что только может содержать в себе богатая ресурсами планета, ответила:

– А почему бы и нет? Когда?

– Давай завтра. Я позвоню тебе ближе к вечеру.

Оставив ему свой номер, я вышла и на негнущихся ногах устремилась в подъезд.

Глава 4

В коридоре сразу за дверью я обнаружила ведро с речной водой, в которой плескались четыре очаровательного вида малюсенькие рыбехины, такие милашки! Из комнаты нарисовался папа.

– Тебя можно поздравить? – спросила я, имея в виду улов.

– Еще как! Четыре здоровенных окуня! Раздевайся, иди обедать, – без перехода добавил он.

Я еще раз глянула в ведро и попыталась примерить к прелестной мелюзге определение «здоровенные». Это рыбаки настолько сильно любят гиперболизировать, или окуни сами по себе настолько маленькие, что эти чудики считаются великанами? Если второе, зачем тогда их ловить? Даже похвастать нечем, я имею в виду перед непросвещенной темнотой вроде меня. Да еще и нужно ведь угробить на это целый день, а в холодное время года стоять на ветру в жуткой многослойной спецодежде и тяжелых резиновых сапогах... Нет, я этого не понимаю.

Не успела я скинуть кеды, как мама велела обуть их снова и отправляться в магазин.

– Пусть Танька идет! – взбунтовались во мне лень и некоммуникабельность: с продавцами же общаться надо, а я это не люблю и не умею.

– Совсем обнаглела, ничего по дому не делаешь, лодырь,

тунеядка! – Эти «комплименты» вынудили меня обуться, но не более.

– Предлагаю консенсус. Пусть Танька общается, а я буду таскать за нее сумки.

На том и порешили.

– Пока ты неизвестно где шаталась, мы с предками ходили комнату смотреть, – поделилась со мной одноклассница, когда мы вышли из дома. У меня в руках были свернутые трубочкой пустые пакеты, у Таньки – ее розовый пиджак, который она сняла с себя по случаю теплой погоды, оставшись все в той же оранжевой юбке и красной блузке на пуговицах, которая, как и пиджак, не слишком гармонично смотрелась с низом.

– И что? – пропустила я мимо ушей «неизвестно где шаталась».

– Истинный дурдом. Клопов, тараканов, мышей и прочей мелкой живности навалом, а вот людей приличных не наблюдается: в одной комнате – два-три десятка граждан подозрительной национальности, в другой – отпетый псих. Каждодневно пытается совершить суицид, выпрыгнув из окна.

– И что же? – не на шутку перепугалась я. – Спасают?

– А чего там спасать – первый этаж, – резонно возразила Таня и первая вошла в двери мини-рынка.

– Реально дурдом, – согласилась я с поставленным ранее Грачевой вердиктом и последовала за ней.

Когда сумки стали слишком тяжелыми, я всучила Татьяне

пустой пакет (осталось купить молоко и хлеб, донесет как-нибудь, не развалится) и отправилась домой.

Едва открыв дверь, я поняла: у нас гости, вернее, гость. С кухни доносился незнакомый мужской голос, который что-то возбужденно рассказывал, и это что-то, судя по искренним раскатам смеха моих родителей, было чрезвычайно смешным. Я успела разуться, когда в коридоре появилась мама, одетая в... норковую шубу.

Я, ни на секунду не веря своим глазам, прошептала:

– Что это?

– Нравится? По-моему, мне идет.

– Папа ведь опустошил всю подковровую область! Неужто в помойном ведре столько скопилось? – Послушай нас человек непросвещенный... Ну да ладно. По всей видимости, мы тоже живем в своего рода дурдоме.

– Нет! Представляешь, только вы за дверь – звонок. Думала, денег не взяли и ключи забыли. Открываю – тот самый бизнесмен, ну помнишь, когда я в праздник его зубы лечила? Так вот, говорит, не знает, как отблагодарить...

– А как же двести долларов? – вешая ветровку на плечики, напомнила я.

– Говорит, что не считает это благодарностью. В Москве, говорит, все лучшие врачи так берут. Но у нас-то область. Знаешь, скажу по секрету, – мама понизила голос до заговорщицкого шепота, – в моем кабинете твоя фотография стоит в рамке. Так он все время на этот снимок глазел. Сообража-

ешь?

– Видать, искал надпись: «Это мы делаем с теми, кто мешает нам работать». Вот и молчал. Боялся. – Что и говорить, я не фанат своих зубов.

– Чушь не гори. Ты там очень хорошенькая. Он свататься пришел, понимаешь?

– Как в австралопитековский период. – В этот момент с кухни донеслось: «Огней так много зо-ло-тых...» – А спасивает он вас тоже за свои деньги? – рассвирепела я. Господи, ну почему меня так раздражает, когда люди тихо-мирно пьют и поют песни? В то же время, Господи, ну зачем люди вообще пьют?

– Чего-чего? Кто такие австралопитеки? Послушай, мы просто обмываем покупку. Он – во мужик! – подняла мать вверх большой палец. – А ты у меня совсем уже в девках засиделась. Любовь, что ль, ждешь? Не существует ее, любви-то, она еще в нашу с отцом твоим молодость сходила на нет. На сегодня и вовсе остался один голый расчет. А Володя, между прочим, нестарый, богатый и холостой.

– Нестарый, это сколько?

– Тридцать шесть, – пропела мама и поплыла на кухню.

Я вспомнила следователя. Он еще возмущался, что старше меня в два раза. А что бы ты сказал, Борис, узнав, что меня выдают замуж за твоего ровесника? Наверно, достал бы голубенький платочек и протер раннюю лысинку, это так на тебя похоже.

С такими грустными мыслями я вошла на кухню вслед за мамой.

За столом сидел типичный «новый русский»: маленькая бычья голова со впалыми черными глазками, волосы сбриты почти «под ноль», бычья же шея, на коей красовалась золотая цепь толщиной в три моих пальца, черная футболка, облегающая мощную, опять же бычью, грудь.

Они, что, надо мной издеваются?...

Увидев меня, мужик перестал разгорланивать песню, поднялся, тем самым достав мне прямехонько до плеча (а рост мой ни много ни мало – сто семьдесят один сантиметр), и, протянув руку, пробасил:

– Вован к вашим услугам.

Я машинально пожалала его ладонь, выдав свое незамысловатое имя, о чем тотчас же пожалела: примкнув к ней губами, он ее более не отпускал, вынудив этим жестом сесть рядом с ним. Я пыталась как-то высвободиться, но не тут-то было: хватка оказалась железной, иначе как бы он выжил в своей предпринимательской деятельности?

– Юленька, не желаете ли пирожных? – предложил сладеньким тоном Вован.

Удивляясь про себя, где же мама их прятала, так как до моего ухода холодильник никаких пирожных в себе не содержал, я уж было потянулась к этим яствам, с тем чтобы заесть питательной глюкозой свое горе, но здесь мама решилась пояснить:

– Это любезный Владимир Павлович накопил, зная, что ты у нас сладкоежка, – после чего рука повисла в воздухе, а затем вернулась на колено, что было сопровождено горестным вздохом. Вторая по-прежнему была в плену у немцев.

Тем временем разговор потек в абсолютно ненужном мне направлении, то есть обо мне. Судя по этому разговору, я была «спортсменкой, комсомолкой, ну и наконец, просто красавицей».

– И хозяйка замечательная, – под конец бросила в меня гранатой мама, чем полностью и бесповоротно убила. Кто еще сегодня ругался, что я ничего по дому не делаю? Ладно, будет тебе контратака.

– Конечно, – безропотно согласилась я. – Кто ж не знает, что макароны моются, после чего обязательно сушатся; ви-негрет и борщ делаются без свеклы, а блины без муки; полы предварительно моют и лишь затем подметают, пока они еще мокрые.

Владимир Павлович слегка прибалдел, но мать не так просто победить: она растянула губы в милой улыбке и разъяснила:

– Она у нас еще немного путается, но у Юли есть своя тетрадь, куда она подробно записывает, что и как нужно делать.

Гостю сие заявление пришлось по вкусу, он вновь заулыбался и только крепче стиснул мою беззащитную худенькую ладошку.

«Ах так! – разозлилась я. – Получай артиллерию!»

– Милый Володя, ответьте мне на один вопрос, – при слове «милый» мама удовлетворенно закивала головой, а сам виновник военных действий даже проронил слезу райского счастья.

– Конечно, Юляша, для вас – что угодно!

– Чем вы зарабатываете себе на жизнь?

– А, ну, это... – Он чуть-чуть поерзал на стуле, затем поглазел в потолок, а не найдя там подсказок, вновь заерзал. – Мне принадлежат два ресторана, автомойка, ну и пара-тройка ликерных магазинчиков, – выдал он, когда я уже не ожидала услышать ответ.

– А-а, значит, вы криминальный элемент, да? – довольная, изрекла я. – Крышуете? Ведь порядочному человеку такой набор не осилить.

Бритый расстроено замолк, а мать накинулась на непослушную дочь:

– Ну чего ты к человеку прицепилась? Пусть Владимир Павлович занимаются чем душе угодно. В нашем мире иначе нельзя. Или хочешь до смерти жить в бедности, как мы сейчас?

От подобного откровения папа подавился маринованным огурцом, а бритый Вован даже покраснел, что с его образом ну никак не вязалось, а потому выглядело весьма забавно и даже несколько мило.

Мама продолжала гневно взирать на меня. От ответа меня избавил звонок в дверь. По дороге в прихожую я обду-

мывала ее слова. Честно говоря, я никогда не думала о том, что мы якобы живем плохо. То есть, конечно, не в роскоши, но я к этому никогда и не стремилась. Не понимаю женщин, вождедеющих женить на себе богатых бизнесменов. Просто, во-первых, ты не можешь быть миллионером и оставаться хорошим человеком (особенно в России, с ее коррупцией, монополией и процветанием мошенничества), а я хочу быть женой хорошему человеку. Во-вторых, я не хочу потом всю оставшуюся жизнь опасаться, что моего богатого мужа кто-нибудь пристрелит или меня похитит ради выкупа. Или что в один ужасный момент я лишусь всего и покончу с собой, так как уже привыкла к роскоши. Короче говоря, между горьковскими ужом и соколом я выбираю первое. Впрочем, понятно, что мама хочет мне только добра, просто ее понятие добра не сходится с моим.

На пороге стояла Таня.

– Ты че так долго? – зашипела на нее я, пропуская в дом и принимая из ее рук пакет.

– В палатке хлеб закончился, пришлось топать за тридцать земель. Уф, устала.

Я сунула руку в сумку. Помимо хлеба и молока, я выудила еще и глянцевый журнал.

– Это что такое? Я не просила тебя купить «Космо»!

– Это мне! – Танька вырвала у меня из рук макулатуру в прозрачной упаковке.

Ну да, она же хочет быть звездой. Очевидно, надеется най-

ти совет в глянце. Я так и представила себе заголовок: «32 способа стать знаменитым, не вставая с дивана».

Снимая пиджак, она прислушалась к звукам на кухне.

– У нас гости?

– Ты имеешь в виду, помимо тебя? – улыбнулась я саркастично, затем все же удовлетворила ее любопытство. – Да. Бизнесмен по имени Владимир.

– Ах, прямо как президент! – Таня восторженно приложила ладони к груди, а я закатила глаза. Пропаганда федеральных каналов рассчитана как раз на таких, как Грачева. Даже то, что случилось с ее семьей, не поменяло Таниных ультрапатриотических взглядов.

Внезапно меня посетила превосходная идея.

– Таня, иди на кухню! – Я вернула ей пакет с продуктами. – Скажи моей маме, что ты купила все, что она велела, и спроси гостя, не хочет ли он чего. Скажи ему, что ты умеешь готовить!

– Зачем?! – Одноклассница едва в обморок не грохнулась от удивления.

– Потому что он холостой! – пропела я совсем как мама недавно и подтолкнула ее в сторону двери на кухню. В последнюю секунду я заметила журнал у нее под мышкой и успела выхватить. Не нужно Вовану знать, что Таня на самом деле несерьезная и не блещет интеллектом. Подслушивая под дверью, я по-злодейски потирала ручонки: пускай гость увидит, кто тут на самом деле хозяйственный. Может,

лицом Танька и не вышла, зато косы ниже попы сейчас редко встретишь, а уж огненно-рыжие волосы и подавно, глядишь, и отобьет его у меня. Хотя в свою счастливую звезду я уже давно не верила.

Потом мы уселись писать реферат. Я время от времени поглядывала на настенные часы. Когда большая стрелка приблизилась к семи (троица на кухне все еще пьянствовала), всерьез забеспокоилась. Почему он не звонит? Или Николай под словом «вечером» имел в виду «завтра вечером»?

Внезапно в комнате появилась мать и позвала меня на разборку в сортир, как в каком-то дешевом боевике.

– Бесстыжая!

– Почему это? – воспротивилась я столь нелестному отзыву о своем поведении.

– Он что, тебе совсем не нравится? Ни чуточки?

– Нет, – отрезала я.

– Но почему? Ладно, я понимаю, он для тебя не совсем подходящего возраста, но могла бы хоть позволить за собой поухаживать, твое сердце свободно и...

– Нет, не свободно! – не дала я ей договорить и пересказала вкратце о всех встречах с Николаем, намекая тем самым, что ее попытки свести меня с первым попавшимся мужиком, которого она сама едва знает, совершенно бесперспективны. В особый восторг она не пришла, но тому, что ее дочку посетила наконец первая любовь, порадовалась, и мы, помахав друг дружке белым флагом, разошлись по углам.

Тихо поужинав с одноклассницей в комнате перед телевизором (как Таня и любит), мы с ней приняли поочередно душ и легли спать. Коля в тот день так и не позвонил.

Утром я позвонила Катьке и, естественно, ее разбудила, что меня, в общем-то, давно перестало удивлять. Выяснив, как у нее дела, я полюбопытствовала, чем сегодня займемся в плане поиска убийцы. Или убийц?

– Можно сейчас сходить к Юрочкиным и допросить кого-нибудь из них, – предложила подруга. – Вчера я узнала у Натальи их адрес.

– Да? Правда? Давай! – взвизгнула я от восторга, демонстрируя всецело поглотивший меня ажиотаж.

– Чего это с тобой? – изумилась Катька, ранее не наблюдавшая в своей подруге ни капли энтузиазма в отношении этого мероприятия.

– Просто я хочу скорее завершить расследование, вот и все, – постаралась я выкрутиться, хотя пытаться сбить с толку проницательную от природы Катьку было занятием зряшным, и я это знала.

– Ха! Во-первых, завершать нам нечего, мы все только начали, а во-вторых, кому ты вкручиваешь? Что-то обязательно должно было случиться *такое*, прежде чем тебя могло заинтриговать расследование.

Ну я ж говорила! Придется сказать все по правде.

– Видишь ли, Катя, – я набрала в грудь побольше возду-

ха, – вхрюкалась я.

– Ты – что, прости? Я, конечно, не лингвист, но слово такое слышу впервые.

– Вхрюкалась, – повторила я. – Ну то есть влюбилась в Хрякина. И он... – Я хотела сообщить, что он тоже занимается расследованием, но подруга меня перебила.

– Этого еще не хватало! Он мне не нравится!

Н-да, в этом вся Катька. Ну скажите мне, почему он должен *ей* нравиться?

– Почему... – начала я произносить этот вопрос, но Любимова поняла меня превратно, снова перебив:

– Не знаю. Хитрый очень.

Скажите пожалуйста! Хитрый! А ты прям святая простота!

Мне захотелось повесить трубку, и я это сделала, лишь только сухо назначив время встречи.

Катерина опоздала на шесть с половиной минут, мы еще раз поздоровались, после чего всю дорогу до нужного дома шагали молча. Таким образом и дотопали до ультрасовременного строения в шестнадцать этажей, с подземным гаражом, огороженным со всех сторон высоким забором двором с клумбами и детской площадкой и кучей вахтеров на каждом передаточном пункте. Мы остановились и разинули рты: жителям маленьких городов, коими мы и являемся, было в диковинку лицезреть такой дом, так как строить их у нас стали сравнительно недавно. По соседству стояла точно такая

же шестнадцатизэтажная махина, а рядом с ней воздвигался новый дом.

– Ты уверена, что Юрочкины живут здесь? – первой прекратила я игру в молчанку, когда подружка потащила меня к одному из подъездов, над которым значилось: «квартиры 1-96».

– Да.

Мы в таком доме были впервые, потому обе несказанно удивились, услышав за своими спинами недоброжелательное: «Вы к кому?» – а обернувшись, увидев старушку в платочке за чистеньким столом с амбарной книгой в руках. Невзирая на современность строения, о компьютерах здесь пока, видимо, не слышали.

– К Юрочкиным, в тридцатую, – сообщила Катька, с точностью копируя тон.

– А Георгия Алексеевича нет, он в США, – прозвучало это так, словно тетка обвиняла его в государственной измене.

– Знаем, мы к его жене.

– Она сегодня на смене, придет только на обед, дома сейчас Ефросинья Григорьевна и дети, – осведомленность бабки поражала. Ей бы в ФСБ работать.

– Тогда мы к ним, – не сдавалась упертая Катька и вздохнула курчавый каштановый локон.

– Тридцатая на пятом этаже, – уступила старушка, но стоило нам вздохнуть полной грудью и развернуть свои торсы к лифту, как консьержка окликнула нас:

– Доченьки, а записаться?

Выдав дотошной «эфэсбэшнице» фамилии, имена, отчества, серии и номера паспортов, даты рождения, а также рост, вес и сексуальную ориентацию, мы блаженно выдохнули и, выслушав подробную инструкцию по пользованию подъемным механизмом с названием «лифт», потопали по шикарному красному ковру к нему же.

– Считаешь, им нужно наследство? – хмыкнула я, пока мы поднимались на пятый этаж.

– Иногда краеугольный камень не деньги, а амбиции, – ответила Катька с такой уверенностью, будто бы являлась признанным на весь мир психологом или же следователем со стажем. – Некоторые люди просто не могут быть замками. Они хотят больше власти и больше свободы, которую эта власть дает.

Лифт остановился, мы вышли, и Катерина нажала на кнопку звонка. Из-за двери послышалось залиvistое пение соловья.

– Ктё тям? – раздался детский алыт по ту сторону двери.

– Кто-нибудь из взрослых дома? – спросила Катя у ребенка, наклонившись, чтобы ему было лучше слышно.

– Мы с Еголкой и бабуфка, тока она спит. Но мы вам не отклеем, потому фто папа знает калатэ и наделёт вам зад!

– Да, – поддакнул другой, еще более высокий голосок.

Мы обменялись встревоженными взглядами: современные дети – это настоящая катастрофа.

Тут за дверью началась какая-то ребячья возня, видимо, мальчикам и минуты было жалко тратить на разговоры с тетей, вместо того чтобы весело себе играть.

Мы призадумались, как поступить. Нет, ну надо детей отваживать от незнакомцев за дверью, имея такого пса в консьержах! Они так и мать родную не пустят.

Я уж решила, что придется ее ждать, когда Катя проявила чудеса сообразительности.

– В таком случае не получите конфет, которые купит вам бабушка на пенсию, что мы принесли.

– Конфет? – заинтересовались с той стороны. – Шоколадных?

– Шоколаднее не бывает, – заверила Катька, и в следующий момент послышались скорые удаляющиеся шаги и крики: «Бабушка! Конфеты!»

Им удалось растолкать свою бабушку очень быстро, потому что всего через десять-пятнадцать секунд тяжелая металлическая дверь распахнулась. Женщина лет шестидесяти, та самая, что мы видели на кладбище, взирала на нас с подозрением.

– Кто вы? Какие конфеты вы продаете?

– Конфеты? – Катя часто-часто заморгала, демонстрируя непонимание. – Нет, дети, видимо, меня не так поняли. Мы ассистенты частного сыщика, расследуем смерть Александра Крюкова.

– Жора не говорил мне, что нанял вас. Я мать Саши и

уверяю, нечего и расследовать. Все предельно очевидно.

Мы не стали оспаривать ее предположение. Так как Георгий вернулся в США, разоблачение в ближайшее время нам не грозит. Только вот что она имеет в виду?

Катя решила прояснить этот момент:

– Подождите, вы намекаете на то, что знаете, кто убийца?

– Конечно. А вы чертовски плохие сыщики, если еще к этому не пришли.

Ее глаза сурово взирали из-под уродливых очков в толстой роговой оправе. Ее волосы, седые у корней, но покрашенные в коричневый цвет на концах, сальными патлами свисали до шеи. Внезапно мне стало интересно, кем она работала. Я помню, Наташа говорила, что Александр снабжал ее деньгами, но не всегда же? Были ли у нее профессиональные навыки? Я бы решила, что она учительница, но больно неопрятно выглядела. Я повидала многих преподавателей, и все они были более или менее ухоженными. Может, из-за того что она давно не работала? Ефросинья Григорьевна, впрочем, могла бы быть уборщицей, но для этого она выглядела как раз недостаточно неряшливой.

Эти мысли проскочила в моей голове за пару секунд, тем временем Катя попросила:

– Не могли бы вы тогда указать нам на наши ошибки, рассказав все, что вам известно?

Женщина помолчала какое-то время, затем нехотя посторонилась, позволяя нам пройти в недра просторной кварти-

ры.

– Сюда, – указала она на двери кухни, в которой разместила нас на белом кожаном диване возле круглого стола с прозрачной стеклянной столешницей. Само помещение было метров пятнадцати и для выходцев из хрущевских пятиметровых каморок, куда только при помощи магии можно впихнуть и плиту, и холодильник, и стол с табуретками (которые нужно обязательно после использования задвигать под него, иначе можно споткнуться в потемках), казалось огромным.

– Так кто же, по-вашему, убил Александра? – спросила Катя, когда хозяйка молча устроилась напротив на высокий деревянный стул с красивой резной спинкой.

– Его жена.

Вот те раз, подумала я, порадовавшись, что бабка негостеприимно ничем нас не угостила, а то ведь так и подавиться немудрено, а Катя деловито спросила:

– У вас есть какие-то доказательства?

Меня тоже интересовал этот вопрос, так как сейчас у нас имеются два главных подозреваемых, перекидывающих вину друг на друга. А *нам* как быть, они подумали?

Мать убиенного надула губы, и глаза ее налились лютой ненавистью.

– Конечно, у меня есть доказательства, – сквозь зубы процедила она. – Моя первая сноха – тварь, скрывающаяся под

маской доброжелательности. Да только гляньте на нее! Она раздает улыбки, она кажется такой милой и обиженной жизнью: ах, посмотрите на меня, я сирота! Но на самом деле – лицемерка, каких поискать. Поверьте, у меня есть другая сноха, мне есть с чем сравнивать. Вот возьмите Ангелину. Это хорошая жена для моего сына. Девушка бросила карьеру преуспевающей певицы, отказавшись от славы, фанатов, денег, чтобы выйти замуж за Жорика и родить ему двоих сыновей.

– Ангелина – певица? – ошалела я от такого поворота. Я видела ее на кладбище, и данное утверждение казалось смехотворным, потому что девушка не была красоткой и не обладала модельной фигурой. Она была самой обыкновенной, никакой даже, а продюсеры не кипят желанием выпускать «никаких» девушек на сцену.

– Да, была. Их группа называлась «Созвездие Венеры», может, слышали? – Я покачала головой. – То-то и оно, после ухода Лины почти сразу же группа распалась, петь же кроме нее никто не умел. Это было шесть лет назад. Попала она туда, выиграв в каком-то конкурсе, а остальных набрали то ли для красоты, то ли знали они, перед кем нужно ноги раздвинуть... Сейчас Лина работает в туристическом агентстве «Грандо тур» только потому, что оно находится рядом с домом и можно в обед видаться с детьми.

– Это все безумно интересно, – даже не скрывая сарказма, сказала Катька, выделяя слово «безумно», – но при чем здесь

Наталья?

Ефросинья Григорьевна зыркнула на мою подругу недовольно.

– Деточка, ты не дала мне закончить, это не очень вежливо по отношению к старшим! – Любимова надулась и уже готова была что-то вякнуть в ответ, но хозяйка не дала ей, быстро продолжив вещать: – Женщина должна всем жертвовать ради своего мужа, понимаете? А со стороны этой ведьмы ничего подобного не было. Это Сашенька всем для нее пожертвовал, подобрал ее, сироту нищую и никому не нужную, обогрел, женился, хотя знал, что она бесплодная и никаких детей у них не будет. – Мы пораскрывали рты. – А чего вы вылупились? Вы думали, почему у них за десять лет супружества детей не было?

– Ну, может, не хотели, – высказала я предположение, которое отвечало моему собственному мировоззрению. Я никогда не хотела детей. Да, в моем возврате еще рано об этом думать, но одноклассницы давно уже подбирают имена, а я, слыша это, лишь недовольно морщусь. Если ты ненавидишь свою жизнь, то мысль о том, чтобы кто-то так же страдал, скучал и томился, не вызывает энтузиазма. Я слишком люблю своих нерожденных детей, чтобы позволить им когда-нибудь родиться. Тем не менее я никому не навязываю свою точку зрения, я просто в тот момент подумала, что чета Крюковых могла считать так же.

– Ага! Фигушки! – Бабка выставила нам под нос внуши-

тельных размеров кукиш. – Ангелина и ведьма эта одного гинеколога посещают. Она сама проговорила, пока ждали приема. Бесплодная эта нищенка! Пригрел на груди змею.

Сказав это полным яда тоном, Юрочкина отвернулась к окну. Мы подождали пару минут. Ничего не произошло.

– И все? – возмутилась Катка. – Это все доказательства, которыми вы располагаете? Тот факт, что кто-то не может забеременеть, не делает автоматически этого человека убийцей! Боже мой! – Подруга в негодовании закачала головой, а я кивнула, соглашаясь. Действительно, в дверях нам были обещаны доказательства, а мы пока ничего стоящего не слышали.

– Ах так? А как насчет того, что Саша хотел ребенка? Чем дальше, тем сильнее. В последний раз он поговаривал даже о разводе. Надеялся успеть еще раз жениться. На здоровой девушке, которая ему родит. Это было за пару дней до его смерти! Кроме того, когда спятившая Клавка померла в своей Италии, он нанял людей, которые занимаются продажей недвижимости за границей. Эти деньги собирался положить на секретный счет в Швейцарском банке. Он не хотел, чтобы кто-то знал, сколько он получит. Он скрывал это даже от своей жены. Вот и убила она его, девоньки. Из-за денег этих и угробила моего сынка! Старуху из меня, сучка, сделала, я, как узнала, вмиг поседела вся, на семьдесят выгляжу, хотя мне шестьдесят три. – И она, расплакавшись, махнула рукой, дескать, ничего уже не исправишь.

Пока я разглядывала прозрачную столешницу и видимый через нее плиточный пол, пытаюсь отогнать недобрые мысли (а что если это правда? как мы могли так легко поверить Наталье? супруги всегда первые подозреваемые в таких случаях – и на то есть причина!), Катерина продолжила спорить:

– Ну развелся бы он с ней, и что? Все равно бы она получила половину.

– Ой, ну перестань! – Пожилая дама, прекратив плакать, зло усмехнулась, показывая желтые зубы. – Саша – банкир! Он знает, как прятать деньги! Она бы никогда не узнала, сколько он реально получил.

Катка не успела придумать достойный ответ, так как входная дверь открылась, и дети с оглушительным визгом: «Мама!» понеслись в прихожую.

– Я вижу, у нас гости. – Когда Ангелина вошла в кухню, я смогла ее рассмотреть более внимательно, чем тогда на кладбище. Однако первоначальное впечатление сохранилось – ничего особенного. Хотя голос и вправду был приятным, мелодичным.

Довольная донельзя бабка принялась нас представлять:

– Это Катенька с Юлечкой, помощницы частного сыщика. Я открыла им глаза на эту убийцу Наташу...

– Мама! Идите в свою комнату, – приказала Ангелина тоном, не терпящим возражений. – А с гостями я сама поговорю.

Бабка неохотно поднялась и скрылась из вида.

– Что наговорила вам эта сумасшедшая? – обратилась к нам Ангелина, как только послышался шорох закрываемой за Ефросиньей Григорьевной двери в ее спальню.

Я, честно говоря, слегка опешила от ее отношения к свекрови, которая вообще-то довольна своей снохой. Что, черт возьми, творится в этой семье?

– Ничего особенного, – удовлетворила я ее любопытство. – Только то, что Наталья Крюкова убила своего мужа.

– Глупости. Слушайте, что я вам скажу. Только у меня очень мало времени, а еще сыновей кормить. – В этот момент оба мальчика вломились в кухню, но мать отослала их, велев прийти через две минуты, и поставила разогреваться суп. Она была строгой, но справедливой матерью. – Моя свекровь всю жизнь ненавидит Наталью. Дело в том, что, узнав о сиротстве снохи, Ефросинья Григорьевна превратила ее для себя в конкурентку по выуживанию из сына денег. Всячески унижала, оскорбляла, но Наташка не я, которая обращается к свекрови на «вы», выполняет все капризы, позволяет жить в нашей квартире и на наши деньги. Еще неизвестно, как бы она любила меня, не была б я так малодушна. Наташка дала свекрови твердый отпор, отбив охоту к унижениям, ее жизнь научила с раннего детства стоять за себя. После того Жорина мать стала говорить о Наталье гадости уже за спиной, а когда умер Саша, она совсем свихнулась, поняв, что Сашиных денег и связей ей уже не видать, и потому выдумала, будто это Наташка убила ее сына, и теперь везде и всюду твердит

эту мерзость.

Я спросила:

– Ангелина, вы слышали что-нибудь о том, что Александр хотел развестись с женой? Или это тоже ложь?

Она пожала плечами.

– Не слышала. Если это сказала моя свекровь, девяносто процентов за то, что это выдумки.

Катя же вернулась к своей любимой теме:

– Ваш муж сейчас в США, да?

– Да. В Нью-Йорке.

– Ага, финансовая столица мира, – Катя удовлетворенно закивала, словно была экспертом в этой области. – А не тяжело ли разлучаться на длительный срок, жить на разных континентах? Может, ваш муж навещает вас и детей? В смысле, он же прилетел на похороны...

– Нет. Он всего шесть дней назад туда улетел, потому что Александр отправил его в командировку как раз перед смертью, и вернулся только в день похорон, а ночью уже был в самолете. А что?

– Нет, ничего... Просто хотела пообщаться с ним тоже и надеялась, что он тут бывает наездами.

Я-то понимала истинные причины этого допроса, учиненного Ангелине. Мы знали от Хрякина, что Юрочкин должен был быть в Штатах во время убийства, но что если он вернулся на один день, никому на работе не сообщив? Да, жена в таком случае будет покрывать, но тогда она соучастница, а

Катя, видимо, надеялась, что она не при делах.

– Что ж, в таком случае, когда мой муж вернется, я вам сообщу. – Ее голос поменялся, став прохладным и негостеприимным. – А сейчас прощу меня извинить, мне нужно покормить детей.

Словно подслушивая, мальчики тут же влетели на кухню.

Обуываясь в прихожей, Катя зачем-то спросила:

– Ваша свекровь сказала, что вы посменно работаете. Это очередная ложь, или завтра и потом в среду вам на службу?

– Это так... – Ангелина ответила с большим недоумением, но не успела потребовать каких-то объяснений, потому что мы с Катькой быстренько растворились в подъезде.

– Как тебе эта семейка? – как только мы вышли на улицу, спросила Катька. – Все друг друга ненавидят: свекровь – Наташку, причем взаимно, Ангелина – свекровь. Повезло, что у нас пока только один труп.

– Типун тебе на язык! – в ужасе пролепетала я. Мне не хотелось опять свалиться на чье-то прохладное тело и трогать его за руки. – И все-таки не все всех ненавидят. Ангелина тепло отзывалась о Наталье, а Ефросинья Григорьевна рисует Ангелину лишь с хорошей стороны. Плюс, есть еще Георгий, которого почему-то любят все, даже Коля.

Внезапно я подумала, что, будучи фаворитом, Георгий мог попросить всех покрывать себя, не вызывая подозрений. Может, он улетел все же пять дней назад, а не шесть? Сразу из деревни, совершив убийство, в аэропорт?

Подруга не дала мне поделиться этой идеей, начав говорить всякую чушь:

– Ах, да, твой Коля Хрюкин... Как я могла о нем забыть? Он ведь тоже подозреваемый.

– Нет! И кстати, он начал свое собственное расследование. Поэтому он поначалу казался подозрительным. И он не Хрюкин, а Хрякин!

– Да что ты говоришь? Он, видимо, настоящий профессионал своего дела, раз начал расследовать еще до того, как выяснилось, что есть что расследовать!

Несмотря на то, что подруга выразилась витиевато, я поняла ее намек и кинулась на защиту своего парня, словно была его адвокатом:

– Он не был в деревне, чтобы что-то расследовать. Это просто совпадение.

– Почему тогда ты не поинтересовалась у него, что он там делал? Или поинтересовалась-таки?

– Нет, я... – Я замолчала и заскрипела зубами от злости.

– Именно. Ты боишься спрашивать, потому что боишься услышать то, что тебе не понравится. Ко мне?

– Что? – Я не умела переключаться так быстро на другую тему. Это Катькин мозг всегда работал быстро и хаотически.

– Я спрашиваю: ты ко мне или домой?

– Домой.

Я не хотела снова видеть Вована (а вероятность такая присутствовала), но с Катькой я в эту минуту не хотела общать-

ся еще сильнее.

Глава 5

Стоило переступить порог квартиры, как внутри моей дамской сумочки раздался звонок. Я долго не могла откопать телефон среди кучи бесполезных, но зачем-то носимых с собой предметов, но, слава богу, абонент был настойчив.

– Юля, это Николай, – прозвучал в трубке до потери пульса приятный голос. – Как дела?

– Превосходно! – Но дела были такими именно потому, что он позвонил. А еще потому, что никаких чужеродных ботинок в прихожей не было.

– Ну как насчет ресторана? Давай я через час подъеду. Тебе хватит времени?

– Угу. Уже бегу собираться.

Мать слышала конец разговора, так как вышла с кухни на звуки моего голоса, и теперь спросила:

– Ты идешь куда-то?

– Я разулась, это означает, что я, напротив, пришла откуда-то. – Я как раз вешала ветровку, а мама покачала головой, сложив руки на груди. Она не любит, когда я ее высмеиваю. Вздохнув, я все же ответила нормально: – Да, звонил Коля и пригласил меня на свидание.

– Тот самый парень, о котором ты говорила вчера?

– Да. – Я боком протиснулась в кухню, потому что мама так и стояла в дверях, и налила себе чай.

– А он надежный? Ты уверена в нем?

Я сначала сделала глоток, а после кивнула.

– Что ж, удачи. Тебе придется доказать это твоему отцу.

Да, мой папа не был в курсе, что мне семнадцать и что даже те, кто помладше, давно уже встречаются с парнями. В семье военного дочь, по обычаю, воспитывается в строгости.

– Я когда-нибудь все равно должна была пойти на первое свидание!

– Да, но ни один день не будет подходящим для твоего отца, и ты знаешь это.

Я даже отставила свою лишь наполовину опустевшую чашку.

– Это нечестно! Если бы вы не начали встречаться, я бы никогда не родилась! Почему вам можно, а мне нет?

Мама опустила глаза и вздохнула. Мы молчали, глядя в одну точку. Мама что-то усиленно обдумывала, а я возвращалась мысленно к посиделкам с Вованом на этой самой кухне. Если бы я согласилась встречаться с «их» парнем, они не были бы против? Или это только мамина затея и папу она в свои своднические намерения не посвящала?

– Ты права, – наконец изрекла она. – Вот что мы сделаем...

Так как папа все это время мылся, мы могли свободно обсуждать придуманный мамой план, после чего родительница повела меня к гардеробу.

– Давай оденем тебя во что-то более соответствующее

приличному ресторану.

Я в ресторане раньше никогда не была (дешевые кафешки и доставка еды на дом не считаются, да?), а мама была лишь раз, да и то на собственной свадьбе, так что мы обе не совсем понимали, как в эти дни одеваются для похода в дорогие заведения, но, каким-то чудом найдя в моем шкафу скромное черное платье (я даже не знала, что кроме свитеров и джинсов там вообще что-то еще обитает), мы решили, что эта вещь вполне подойдет.

Видя, как я полезла за коробкой новеньких кроссовок, мама схватилась за сердце.

– Нет? – спросила я, невинно моргая глазками, с малой толикой надежды в голосе: а ну как я ее жест неправильно истолковала?

– Нет!

Она прошлась еще раз по моему гардеробу и нашла в самом углу пару неношенных черных туфель на небольшом и устойчивом каблуке.

– Ты уверена, что я в них выживу?! – Надежда чувствовать себя комфортно на первом свидании таяла секунда за секундой.

– Да! Хватит уже в джинсах да в брюках ходить! Хоть в ресторане, овца, не позорься! – Здесь следует уточнить, что «овца» – мамимо обожаемое слово-паразит. Хотя она не применяет его почему-то ни к кому другому, кроме своей дочери. – И волосы-то распусти. И накрути. Хоть раз в жиз-

ни на человека похожа будешь! – И она дала мне что-то железное, что я могла классифицировать не иначе как орудие Инквизиции. – Это щипцы для завивки! – Видя что-то в моих глазах, возможно, страх, пояснила мама.

И тут вода в ванной перестала литься. Я замерла на месте и бросила взгляд на часы. Мне оставалось на сборы двадцать пять минут.

– Иди на кухню, я разрулю, – положив мне в руки щипцы и косметичку, сказала мама и подтолкнула в нужном направлении. Уже из-за двери я услышала: – Серж, ты не забыл, что купил свой любимый журнал про рыбалку? Вот он!

– Ой, Люсенька, спасибо. Я и впрямь забыл. Вот и читаю сейчас. Люблю после ванны почитать...

Есть у железобетонно-непробиваемого папы одна слабость: когда он читает любимый журнал про рыбалку, он готов согласиться на что угодно, лишь бы его не отвлекали от интересного чтения. На любой вопрос, пусть он даже адресован не ему, отец автоматически отвечает лаконичным «угу», чаще всего особо не вникая в суть самого вопроса. В общем, это нам и было нужно.

Мама нарисовалась в кухне, когда я успела, пользуясь миниатюрным зеркальцем, накрутить локоны и тронуть губы блеском: в этот раз я решила не перебарщивать с косметикой, ибо прошлый эксперимент вышел явно неудачным и рисковать я больше не хотела.

Открывая дверь кухни, мамапустила звук перелистыва-

емых глянцевых страниц, но все равно я спросила:

– Готово?

– Да, – вздохнула она. – Лучше бы учебой занималась, овца, к экзаменам готовилась!

Я только махнула рукой и вернулась в комнату. Папа лежал на кровати со стороны тумбочки с включенным бра, уткнувшись в журнал с рыбаком на обложке. Я встала над ним, и он даже не заметил. Это был хороший знак: в любое другое время он бы обязательно потребовал объяснения, куда это я намылилась такая разодетая.

– Пап?

– Угу, – произнес он в ответ, чем меня очень порадовал.

– Меня пригласили в ресторан, – уже увереннее продолжила я.

– Угу, – снова донеслось в ответ.

– Ну тогда я пойду?

– Угу... Чего? – Домашний тиран отвлекся наконец от чтения и крикнул мне в спину: – Куда это ты собралась?

Но было поздно – уже через мгновение меня в квартире не было. Мама только и успела открыть передо мной дверь и сунуть мне в руки красный клатч, куда она предварительно переложила мой телефон и ключи. Продумали мы все просто замечательно. Если что – «папа, ты ж меня отпустил, ты что, забыл?» Мама подтвердит, мол, взял и ни с того ни с сего согласился, даже я (мама) и то удивилась. И все. С меня взятки гладки.

На условленном месте, то есть у моего подъезда, я появилась без трех минут шесть, как я уже говорила, в собранности и пунктуальности мне не откажешь. К счастью, мой кавалер оказался таким же, и ждать пришлось всего полминуты.

Черный «БМВ» притормозил рядом со мной, дверь открылась, и высунулся на свет божий его обладатель, то бишь мой принц. На нем сиял чистотой потрясающий черный в тонкую полоску костюм. Из-под пиджака выглядывали ворот темно-красной рубашки и строгий галстук. Я в этом не разбираюсь, но как-то чувствовалось, что прикид не из барахолочных.

Видя, что мы в одном цвете, одновременно друг другу улыбнулись.

– Ты уже готова? Так быстро? Извини, не думал, что... А то бы раньше подъехал.

Понятно, считает всех женщин копушами. Что ж, это исключительно их проблемы, главное, чтобы обо мне так не думал.

Принц открыл мне дверь, захлопнул, когда я удобно уселась на сиденье, залез сам, завел мотор, и мы тронулись.

– Мы ненадолго? – робко поинтересовалась я. – А то мне нужно вернуться засветло: родители будут беспокоиться, да и завтра рано вставать.

– М-да, во встречах со школьницами есть свои минусы... – усмехнулся он и уже серьезно добавил: – Хорошо, будет сделано. Но я решил свозить тебя в столицу, а то в на-

шем городе приличных ресторанов почти нет, сплошные забегаловки.

– А мы в пробку не встанем?

– Нет, ресторан за МКАДом, в одном тихом месте, дорога займет минут тридцать от силы. К тому же, я сам не смогу долго отдыхать: жду важного звонка сегодня.

Мне бы, дура, порадоваться, но неожиданно-негаданно, на ровном, так сказать, месте меня пребольно кольнул укол ревности.

– Какого еще звонка? От кого?

Я всегда презирала женщин, пытающихся контролировать каждый шаг своих мужчин. Я считала их жалкими и тупыми. И вот я одна из них. Памятуя о том, что это лишь первое свидание, страшно представить, как я дальше себя поведу.

– М-м... – невнятно промычал Николай, чрезвычайно моему поведению удивившись. Вопрос ему явно не понравился. Что и говорить – мне тоже, и, если я бы могла, я бы нажала на кнопку «вернуться назад». – Да так, по работе.

– Ты по воскресеньям работаешь?

– Да, пока Жорика нет, я за главного, так что мне придется работать всегда и отовсюду. Но документы остались дома, да и потом, решать вопросы в зале ресторана некомфью.

Чтобы я боле не доматывалась, он включил радио. Сначала я его не слушала, но потом от скуки пришлось. Как назло, диктор вместо чего-нибудь успокаивающего нервную систе-

му зашелся в предупреждениях о маньяке-душегубе, который безраздельно властвует над Щукинским районом Московской области, насилая и убивая девушек и женщин, возраст которых варьируется от шестнадцати до шестидесяти лет. То, что я попадаю под эту категорию, мне несильно понравилось.

Жертв было уже семь.

– Вы можете стать восьмой! – обрадовал диктор, переходя к кровавым подробностям относительно вида растерзанных жертв: выколотым глазам, отрубленным частям тела... Хрякин сморщился, точно его заставили жевать лимон без наркоза, и выключил приемник.

...С виду ресторан действительно казался роскошным, здание было отделано темным стеклом, создавая иллюзию, что брось камень – и оно разлетится на мелкие осколки, точно зеркало. Крупные буквы вывески горели неоновым светом, что в темноте, конечно, выглядело бы куда более впечатляюще.

– Ресторан «Лещенко», – прочитала я. – А почему его называли в честь певца?

– Какого певца?

– Ну, Лев Лещенко... И с по-лей уносится печаль, из души уходит прочь тревога, – представив себя застрявшей в водосточной трубе кошкой, передразнила я певца.

Николай хохотнул.

– А, нет, Лещенко – фамилия хозяина ресторана. Теперь

поняла?

– Да, поняла, что этот Лещенко самовлюбленный болванобразный тип. Назвать ресторан собственной фамилией! Несусветная глупость!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.